

Библейско-богословская коллекция
Серия «Богословские исследования»

Бердников И.С., проф.
Керенский В.А., проф.

**ОТЗЫВЫ
НА ДОКТОРСКУЮ
РАБОТУ
П.П. ПОНОМАРЕВА
«СВЯЩЕННОЕ ПРЕДАНИЕ
КАК ИСТОЧНИК
ХРИСТИАНСКОГО
ВЕДЕНИЯ»**

Православный собеседник, 1911, № 2, с. 1-60

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

О Т З Ы В Ъ

проф. И. С. Бердникова о сочиненіи доцента Казанской Академіи П. П. Пономарева, представленномъ на соисканіе степени доктора богословія, подъ заглавіемъ: Священное Преданіе, какъ источникъ христіанскаго вѣдѣнія. Ученіе о Св. Преданіи въ древней, преимущественно восточной, церкви. Казань. 1908.

Планъ сочиненія г. Пономарева слѣдующій. Въ началѣ сочиненія, во введеніи, авторъ знакомитъ читателя съ католическимъ и протестанскимъ ученіемъ о Свящ. Преданіи и указываетъ ученую литературу по данному вопросу въ томъ и другомъ исповѣданіи. Затѣмъ въ первомъ отдѣлѣ сочиненія онъ излагаетъ ученіе о Св. Преданіи въ Новомъ Завѣтѣ и въ твореніяхъ мужей апостольскихъ, отцевъ и учителей второго и третьяго вѣка. Во второмъ отдѣлѣ сочиненія идетъ рѣчь объ ученіи по тому же вопросу въ твореніяхъ отцевъ IV и V вѣковъ: Кирилла іерусалимскаго, Аѳанасія александрійскаго, Василія в., Григорія нисскаго, Григорія Б., Іоанна Златоустаго, Епифанія кипрскаго и Викентія лиринскаго. Въ третьемъ отдѣлѣ трактуется объ утвержденіи ученія древнихъ отцевъ въ дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ. Въ заключительной части сочиненія содержится систематическое изложеніе ученія о Св. Преданіи на основаніи его исторіи въ древней церкви.

Планъ сочиненія совершенно естественный. Ученіе о Св. Преданіи представляетъ значительныя разности въ

разныхъ христіанскихъ исповѣданійхъ. Поэтому при изложеніи ученія прав. церкви объ этомъ предметѣ нельзя не имѣть въ виду вѣроисповѣдныхъ особенностей католичества и протестанства. Съ другой стороны приступающему къ серьезной работѣ по исторіи даннаго вопроса нельзя было не ознакомиться съ наличнымъ состояніемъ ученой литературы по нему въ западно-европейской богословской наукѣ. Этимъ-то вотъ требованіямъ отъ серьезнаго научнаго труда и имѣеть въ виду удовлетворить авторъ вводною частію своего сочиненія. Запасшись яснымъ и отчетливымъ представленіемъ объ особенностяхъ католическаго и протестанскаго ученія о Св. Преданіи, авторъ, конечно, значительно облегчилъ себѣ и читателю возможность разобратъся надлежащимъ образомъ въ характерныхъ чертахъ ученія православной церкви.

Православное ученіе о Св. Преданіи авторъ излагаетъ не по символическимъ книгамъ православной церкви, а по отеческимъ твореніямъ древней, преимущественно восточной церкви. Опять научный приѣмъ совершенно естественный и цѣлесообразный. Творенія древнихъ отцевъ и учителей церкви служатъ главнымъ и лучшимъ пособіемъ въ пониманіи богословскихъ вопросовъ. Тѣмъ естественнѣе и необходимѣе богослову обращаться къ памятникамъ церковнаго Преданія въ освѣщеніи церковнаго ученія о самомъ Св. Преданіи. Такъ и поступаютъ обычно богословы-систематики, построивъ свои трактаты о Св. Преданіи на основаніи свидѣтельствъ, извлекаемыхъ изъ отеческихъ твореній. Но нашъ авторъ поставилъ себѣ другую болѣе сложную задачу—представить исторію раскрытія ученія о Св. Преданіи въ древней церкви. Для исполненія этой задачи было бы недостаточно собрать отрывочныя ссылки на творенія отцевъ и учителей церкви, характеризующія и подтверждающія извѣстныя положенія. Для этого авторъ счелъ нужнымъ заняться подробнымъ анализомъ отеческихъ твореній и результаты его изложить въ своемъ сочиненіи. Этотъ учепый приѣмъ представляетъ большія преимущества предъ обычнымъ приѣмомъ пользованія отеческими твореніями съ научною

цѣлю. При этомъ пріемѣ легко уясняется подлинный точный смыслъ мѣстъ отеческихъ твореній, приводимыхъ въ догматическихъ системахъ въ трактатѣ о Св. Преданіи, подмѣчаются отѣнки въ ученіи о Св. Преданіи того или другого отца церкви, опредѣляется сравнительное достоинство и значеніе твореній того или другого отца въ раскрытіи даннаго вопроса и выясняется общій ходъ раскрытія ученія въ древней церкви по данному вопросу. Путемъ этого пріема автору удалось подмѣтить въ отеческихъ твореніяхъ различіе между апостольскимъ и отеческимъ Преданіемъ. Анализъ отеческихъ твореній далъ автору отвѣты не только по теоріи вопроса, но и относительно содержанія Преданія. А указаніе въ отеческихъ твореніяхъ матеріала, характеризующаго содержаніе Преданія, въ свою очередь весьма много содѣйствуетъ уясненію нормальнаго отношенія Преданія къ Св. Писанію.

Послѣ обстоятельнаго анализа древнихъ памятниковъ церковнаго Преданія авторъ дѣлаетъ общіе выводы, которые въ своей совокупности должны составить систематическое изложеніе ученія древней церкви о Св. Преданіи. Выводы эти въ краткихъ чертахъ слѣд.: 1) Церковь есть хранительница и истолковательница Св. Преданія. Носителями или выразителями истиннаго Преданія служатъ пастыри церкви, но не исключительно, а только преимущественно, по причинѣ того, что пастырямъ церкви по самому характеру ихъ служенія всего удобнѣе уразумѣвать истину и сообщать ее людямъ. 2) Преданіе составляетъ достовѣрный источникъ христіанскаго вѣдѣнія, по авторитету соравный Св. Писанію. 3) Преданіе есть живое ученіе вселенской церкви Христовой, обнимающее собою ученіе и писанное и устно преданное. Это Преданіе въ обширномъ смыслѣ. Преданіе же въ тѣсномъ смыслѣ есть проповѣдь церкви, которая не имѣетъ для себя адекватнаго выраженія въ Писаніи. Въ Преданіи, понимаемомъ въ тѣсномъ смыслѣ, отцы церкви различаютъ Преданіе апостольское и Преданіе отеческое. Подъ первымъ разумѣется проповѣдь апостоловъ, которая не была заключена ими лично въ письмена и лишь въ послѣдствіи

была записана въ твореніяхъ ихъ послѣдователей и пресмниковъ. Подъ именемъ отеческаго Преданія разумѣтся ученіе, которое происходитъ не отъ апостоловъ, а отъ отцевъ церкви, но которое тѣмъ не менѣе имѣетъ на себѣ авторитетъ церковнаго ученія. 4) Отношеніе между Св. Преданіемъ и Св. Писаніемъ слѣд.: а) Преданіе согласно съ Св. Писаніемъ въ содержимой имъ истинѣ. б) Поэтому Св. Писаніе является обоснователемъ Св. Преданія. в) Преданіе въ свою очередь является руководительнымъ началомъ въ пониманіи Св. Писанія. г) Преданіе иногда служитъ дополненіемъ къ Писанію. 5) Преданіе апостольское пользуется авторитетомъ богодухновенности, который обуславливается непосредственнымъ происхожденіемъ этого Преданія отъ Св. Духа, глаголавшаго чрезъ апостоловъ. Преданіе отеческое получаетъ авторитетъ непогрѣшимости чрезъ свое согласіе съ Св. Писаніемъ и апостольскимъ Преданіемъ и чрезъ принятіе его вселенскою церковію.—Всѣ эти положенія авторъ имѣлъ въ виду при анализѣ памятниковъ Преданія древней вселенской церкви. Поэтому въ его сочиненіи эти положенія освѣщены со всею полнотою и основательностію. Здѣсь, въ систематическомъ изложеніи, авторъ дѣлаетъ только краткія упоминанія и ссылки на предшествовавшіе отдѣлы, содержащіе анализъ памятниковъ Св. Преданія. Кромѣ того здѣсь авторъ приводитъ на справку и вѣроисповѣдныя особенности католиковъ и протестантовъ по каждому частному пункту ученія о Св. Преданіи, и этимъ сопоставленіемъ еще рельефнѣе отдѣняетъ ученіе древней вселенской церкви, сохраняемое и нынѣ нашею православною церковію.

Изъ представленнаго краткаго систематическаго изложенія выводовъ, составляющихъ существеннѣйшее содержаніе анализа источниковъ церковнаго Преданія, читатель убѣждается, какъ цѣлесообразенъ и важенъ въ научномъ отношеніи путь, какой избранъ нашимъ авторомъ для историческаго изображенія ученія древней церкви о Св. Преданіи. Обстоятельность въ анализѣ отеческихъ твореній, ясность и отчетливость формулировки выводовъ из-

слѣдованія, солидная оцѣнка ихъ сравнительно съ особенностями католическаго и протестанскаго ученія о томъ же предметѣ—все это даетъ ему почувствовать, что въ этихъ выводныхъ положеніяхъ онъ имѣетъ предъ собой подлинное, чистое, тщательно обслѣдованное ученіе древней вселенской церкви, можно сказать, слышитъ голосъ самого Преданія о себѣ самомъ. А отсюда становится понятнымъ и важное научное значеніе ученаго труда нашего автора. Въ немъ раскрыто ученіе о Св. Преданіи въ самый древній и важный періодъ церковной исторіи, по источникамъ, которымъ нѣтъ равныхъ по важности въ дальнѣйшей исторіи жизни церкви. Т. обр. трудомъ автора положено такое начало раскрытію православнаго ученія о Св. Преданіи, о которомъ по всей справедливости можно сказать, что оно есть половина и даже больше, чѣмъ половина дѣла. Ибо дальнѣйшія работы по исторіи раскрытія догмата о Св. Преданіи должны будутъ заботиться гл. обр. о томъ, чтобы показать, на сколько чисто и ясно сознавалось у позднѣйшихъ носителей церковной мысли ученіе древней церкви объ этомъ предметѣ. Значить, послѣдующія научныя изысканія въ области раскрытія догмата о Св. Преданіи должны будутъ необходимо обращаться къ помощи труда нашего автора.

Ученый трудъ г. Пономарева имѣетъ не мало значенія и для науки церковнаго права, такъ какъ и въ области церковнаго права церковное Преданіе признается важнѣйшимъ источникомъ церковно правовыхъ нормъ. Наукой церковнаго права должно быть принято къ свѣдѣнію и руководству представленное г. Пономаревымъ раскрытіе общаго понятія о Св. Преданіи, его видахъ, его отношеніи къ Св. Писанію. Рав. обр. ученіе отцевъ церкви о носителяхъ и выразителяхъ церковнаго Преданія касается не только области догматики, но и каноники. Въ особенности же заслуживаютъ вниманія науки церковнаго права тѣ части и мѣста труда г. Пономарева, гдѣ трактуется о Преданіи, имѣющемъ своимъ содержаніемъ церковную дисциплину, выясняется отличительный характеръ этого рода Преданія сравнительно съ Преданіемъ догматичес-

скаго содержанія (напр. стр. 168. 199. 213. 254. 374. 410. 548), указывається вліяніє церковнаго Преданія на церковное законодательство (стр. 123—4. 160. 162. 166. 199. 373—4. 228. 278. 308. 314. 415. 419. 481—3. 550—1. 565. 575), гдѣ говорится объ обычаяхъ отцевъ какъ источникѣ церковнаго права (стр. 163—4. 314. 374. 414. 475. 422). Кромѣ раскрытія общаго понятія о Св. Преданіи какъ источникѣ церковныхъ нормъ, въ сочиненіи г. Пономарева дается попутно не мало матеріала по частнымъ вопросамъ, входящимъ въ область церковнаго права, напр. по вопросу о томъ, что такое католическая церковь (стр. 257. 273. 305. 307. 331. 352—3. 369. 402. 451. 463. 495. 512),—что такое соборность (стр. 78), вселенскій соборъ (стр. 108), кому принадлежитъ управленіе церковное и представительство на соборахъ (стр. 11. 12. 56. 73—4. 96. 172. 105. 402. 445. 511), на чемъ основывается авторитетъ соборныхъ опредѣленій (стр. 105. 499. 522),—о томъ, что обычай той или другой изъ частныхъ церквей можетъ оказаться противорѣчащимъ общему церковному Преданію (стр. 277),—что это обстоятельство не должно служить основаніемъ къ раздѣленію между церквами при добромъ согласіи во всемъ прочемъ, но все же разногласящій обычай подлежитъ исправленію согласно Преданію вселенской церкви (стр. 62),—по вопросу о томъ, что такое ересь (стр. 64. 188. 215. 291. 385. 394. 426—7. 549),—по вопросамъ о соблюденіи поста въ среду и пятокъ каждой седмицы, о празднованіи Пасхи (стр. 248. 262), о молитвѣ за умершихъ, о крещеніи младенцевъ (стр. 249), о жизни подвижниковъ (стр. 231—2), и т. д. Вообще г. Пономаревъ при анализѣ отеческихъ твореній вездѣ касался предметовъ церковной дисциплины, относимыхъ тѣмъ или другимъ отцемъ къ области церковнаго Преданія. Жаль только, что г. Пономаревъ изъялъ изъ своей задачи тщательное указаніе всѣхъ предметовъ такого рода, сколько ихъ можно встрѣтити въ твореніяхъ того или другого отца церкви или учителя, а ограничился только перечисленіемъ важнѣйшихъ, которые т. с. сами запрашивались въ его сочиненіе (стр. 3). Конечно, г. Пономаревъ не повредилъ бы до-

стоинству своего сочиненія, если бы отнесся нѣсколько любезнѣе къ интересамъ науки церковнаго права.

Когда г. Пономаревъ задумалъ свой трудъ, собралъ нужный матеріалъ и обработалъ его, въ это время, по его словамъ, не было въ русской богословской литературѣ сочиненія (вѣроятно онъ разумѣетъ специальное сочиненіе), имѣющаго отношеніе къ предмету его работы (стр. 579). Во время же печатанія его труда (которое заняло очень продолжительное время—семь лѣтъ) явилось сочиненіе о. І. Филевскаго подъ заглавіемъ: Ученіе православной церкви о Свящ. Преданіи. Харьковъ. 1902. Познакомившись съ этимъ сочиненіемъ, г. Пономаревъ счелъ нужнымъ въ Приложеніи къ своей книгѣ сдѣлать сравненіе этого сочиненія съ своимъ трудомъ и показать сходство и различіе между ними въ задѣлѣ, приѣмахъ и результатахъ изслѣдованія. Какъ показываетъ самое заглавіе сочиненія о. Филевскаго, онъ имѣлъ въ виду изложить въ своемъ сочиненіи ученіе православной церкви о Свящ. Преданіи не столько въ исторіи, сколько гл. об. въ настоящемъ его состояніи. Г. же Пономаревъ имѣлъ своей задачей изслѣдовать ученіе о Свящ. Преданіи въ древней, преимущественно восточной церкви. Разность задачъ очевидная. Эта разность, естественно, должна была повлечь за собой и различіе и въ источникахъ, которыми пользовались два автора, а также и въ приѣмахъ изслѣдованія. О. Филевскій не могъ обойти въ своемъ сочиненіи разсмотрѣнія ученія о Свящ. Преданіи символическихъ книгъ православной церкви. А г. Пономареву вовсе не было надобности касаться ихъ. О. Филевскій для лучшаго достиженія своей цѣли не нашелъ возможнымъ ограничиться пособіемъ однихъ символическихъ книгъ, а счелъ нужнымъ положить въ основаніе ученіе древнихъ отцевъ церкви восточныхъ и западныхъ, и этимъ приѣмомъ приблизился въ своей работѣ къ матеріалу, разработку котораго поставилъ своей специальной задачей г. Пономаревъ. Но при видимомъ сходствѣ въ этомъ отношеніи содержанія сочиненій о. Филевскаго и г. Пономарева, на самомъ дѣлѣ замѣчается существенное различіе между

ними какъ въ выборѣ матеріала, такъ и въ разработкѣ его. Г. Пономаревъ опускаетъ въ своемъ трудѣ воззрѣнія на Св. Преданіе западнаго богословія, начиная съ бл. Августина, въ виду его своеобразнаго характера, требующаго, по мнѣнію г. Пономарева, особаго изслѣдованія. Но за то г. Пономаревъ ввелъ въ кругъ своей работы Дѣянія вселенскихъ соборовъ и изложилъ ученіе о Св. Преданіи по этимъ Дѣяніямъ, чего нѣтъ въ сочиненіи о. Филевскаго. Еще болѣе расходится г. Пономаревъ съ о. Филевскимъ въ характерѣ обработки святоотеческаго матеріала по данному вопросу. О. Филевскій считаетъ достаточнымъ для своей цѣли указать въ сочиненіяхъ древнихъ отцевъ и учителей церкви свидѣтельства въ пользу существованія въ то время неписаннаго ученія церкви и его важнаго значенія наравнѣ съ Св. Писаніемъ, и поэтому опускаетъ изъ вниманія то, что не относится прямо къ этому положенію. Г. Пономаревъ не стѣсняетъ свой анализъ отеческихъ твореній напередъ установленными рубриками, изслѣдуетъ святоотеческій матеріалъ во всей подробности и уже потомъ дѣлаетъ выводы, предлагаемые самимъ матеріаломъ. Благодаря такому отношенію къ святоотеческой письменности, г. Пономареву удалось подмѣтить, между прочимъ, какъ уже сказано выше, въ ученіи св. отцевъ особый видъ Преданія—Преданіе отеческое въ отличіе отъ Преданія апостольскаго и указать характеристическія черты его. Затѣмъ г. Пономаревъ обращалъ вниманіе также и на предметы церковной дисциплины, которые св. отцами были относимы къ содержанію Св. Преданія, и этимъ много способствовалъ точному опредѣленію отношенія между писаннымъ и неписаннымъ церковнымъ Преданіемъ. Есть еще и другіе пункты различія между сочиненіями о. Филевскаго и г. Пономарева, правдиво указанныя самимъ Пономаревымъ. Общій выводъ, къ которому приходитъ г. Пономаревъ по сличенію своего труда съ сочиненіемъ о. Филевскаго, состоитъ въ томъ, что оба они имѣли свои особыя задачи и шли къ ихъ достиженію каждый своимъ особымъ путемъ. Мы вполне соглашаемся съ этимъ выводомъ г. Пономарева и признаемъ его уче-

ную работу вполне самостоятельнымъ ученымъ трудомъ, составленнымъ по первоначальнымъ источникамъ, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, съ самобытностію ученыхъ пріемовъ, заслуживающею вниманія и уваженія.

По нашему мнѣнію, сочиненіе г. Пономарева о Св. Преданіи въ древней восточной церкви представляетъ собою явленіе очень отрадное въ нашей богословской ученой литературѣ и *воплоть заслуживаетъ степени доктора богословія.*

ОТЗЫВЪ

проф. В. А. Керенскаго о сочиненіи доцента П. П. Пономарева: Священное Преданіе, какъ источникъ христіанскаго вѣдѣнія. Ученіе о Св. Преданіи въ древней, преимущественно восточной, церкви. Казань. 1908 г., представленномъ на соисканіе степени доктора богословія.

Въ своемъ сочиненіи съ вышепоименованнымъ заглавіемъ П. П. Пономаревъ задался цѣлью изложить исторію ученія о Св. Преданіи въ древней, преимущественно восточной, церкви и на основаніи этой исторіи представить въ существенныхъ чертахъ строго научное понятіе о Свящ. Преданіи, какъ источникѣ христіанскаго откровенія, въ связи съ ученіемъ по тому же вопросу римско-католическимъ и протестантскимъ. Соотвѣтственно этому въ введеніи къ сочиненію (стр. I—LXI) г-нъ П. П. Пономаревъ первоначально знакомитъ съ ученіемъ римскихъ католиковъ о Свящ. Преданіи, поскольку оно излагается въ наиболѣе обстоятельныхъ системахъ новѣйшаго времени: Ludov. de San'a. Tractatus de divina traditione et scriptura. Brugis. 1903 и Franzelin'a. Tractatus de divina traditione et scriptura. Romae. 1896. Путемъ подробнаго анализа трактатовъ указанныхъ римскихъ теологовъ г-нъ П. Пономаревъ послѣ изложенія ученія послѣднихъ о Свящ. Преданіи въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ знакомитъ читателей съ частными пунктами, входящими въ это общее римско-католическое понятіе о Свящ. Преданіи и прежде всего съ ученіемъ римскихъ католиковъ объ учительствѣ церковномъ въ его сущности и въ его исторіи съ подраздѣленіемъ на учительство: а) апостоловъ и б) преемниковъ апостольскихъ. Послѣ подробнаго ознакомленія съ частными свойствами того и другого учительствъ г-нъ

П. П. Пономаревъ, перейдя къ раскрытію вопроса о взаимоотношеніи между Писаніемъ и Преданіемъ, знакомить съ сужденіями San'a (и отчасти Franzelin'a) о необходимости Св. Преданія, какъ дополняющаго Св. Писаніе и обезопасивающаго правильность пониманія послѣдняго, и затѣмъ приступаетъ къ изложенію ученія упомянутыхъ римско-католическихъ богослововъ о „вторыхъ средствахъ Св. Преданія“, поскольку они выражаются въ сохранившихся до насъ отъ христіанской древности не писанныхъ церковныхъ памятникахъ—въ произведеніяхъ: скульптуры, живописи, архитектуры и пр. и въ памятникахъ писанныхъ: во вселенскихъ исповѣданіяхъ вѣры, опредѣленіяхъ соборовъ или римскихъ епископовъ, въ актахъ мучениковъ и исповѣдниковъ, въ твореніяхъ отцевъ и проч. Послѣ подробнаго ознакомленія съ критическими замѣчаніями упомянутыхъ теологовъ, особенно San'a, на протестантское ученіе о Свящ. Преданіи г-нь П. П. Пономаревъ конецъ разсматриваемаго отдѣла своей книги посвящаетъ сопоставленію изслѣдованія San'a съ трудами предшествовавшихъ ему богослововъ: 1) Bellarminus'a. *Disputationes de contraversiis christianae fidei adversus hujus temporis haereticos*. Т. I—IV. 1721. Pragae; 2) Martinus'a Becanus'a. *De traditionibus*. (Omnia opera. Moguntiae. 1649); 2) Petrus'a Dens'a. *De traditionibus*. (Theologia ad usum seminariorum. t. II. Mechliniae. 1819); 4) Luzerne. *Autorité de la tradition*. (Dissertation sur les églises catholique et protestantes. Paris. 1833); 5) Perrone. *De traditione*. (Praelectiones theologicae. Viennae. 1846. t. I) и съ трактатами по тому же вопросу въ догматическихъ системахъ позднѣйшихъ римско-католическихъ богослововъ: Scheeben'a и Heinrich'a. Второй отдѣлъ введенія (стр. LXI—LXXXVI) посвященъ г-мъ П. П. Пономаревымъ изложенію лютеранскаго ученія о Св. Преданіи прежде всего по символическимъ книгамъ лютеранства: *Confessio Augustana*, *Apologia Confessionis*, *Articuli Smalcaldici* и *Formula Concordiae* въ его сущности и въ его исторіи съ неоднократными колебаніями родоначальниковъ реформаціи при раскрытіи указаннаго ученія и засимъ изло-

женію того же ученія наиболѣе авторитетныхъ протестантскихъ теологовъ, какъ то: 1) Martinus'a Chemnitius'a. Examen concilii Tridentini. Berolini. 1861; 2) Osiander'a. Enchiridion controversiarum religionis... 1615. Witebergae; 3) Dalläeus'a. De vero potrum usu (Migne. Theol. curs. compl. t. 26. Parisiis. 1842. Col. 1007—1055); 4) J. Köstlin'a. Luthers Theologie in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Stuttgart. 1863. B. II. S. 56—65. 246—296; 5) Ph. Marheineke. Christliche Symbolik. Berlin. 1848. S. 101—130; 6) Karl von Hase. Handbuch der protestantischen Polemik. Leipzig. 1900. S. 61—88; 7) Jacobi. Die kirchliche Lehre von der Tradition und heiligen Schrift in ihrer Entwicklung. Berlin. 1847 и 8) Holtzmann'a. Kanon und Tradition. Ludwigsburg. 1859 и представителей школы ричліанскаго богословія. Послѣ краткаго обзора русской богословской литературы, посвященной изученію Свящ. Преданія какъ источника христіанскаго вѣроученія (стр. 1—3), г-нь П. Пономаревъ переходитъ къ разработкѣ главнаго предмета своей темы, сначала излагая библейское ученіе по разсматриваемому вопросу, при чемъ путемъ подробнаго анализа библейскихъ мѣстъ: I Тим. VI, 20; I Кор. XI, 2; 2 Сол. II, 15; Лк. I, 1—4; Іоан. XX, 30; Іоан. XXI, 25 и др. г-нь Пономаревъ приходитъ къ тому заключенію, что въ указанныхъ библейскихъ мѣстахъ намѣчены всѣ основныя черты, впослѣдствіи, въ церковной литературѣ, преимущественно у св. Иринея, составившія изъ себя сумму понятій о Свящ. Преданіи (стр. 3—6). Послѣ подробнаго ознакомленія на дальнѣйшихъ страницахъ (стр. 6—16) съ ученіемъ о Свящ. Преданіи, какъ источникѣ христіанскаго откровенія, мужей апостольскихъ—Варнавы, Игнатія Богоносца, Климента Римскаго и Поликарпа Смирнскаго съ частными пунктами ихъ ученія о Свящ. Преданіи въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ, о происхожденіи Преданія и значеніи церковной іерархіи въ дѣлѣ охраненія сего г-нь П. П. Пономаревъ переходитъ къ обстоятельному разсмотрѣнію ученія о Свящ. Преданіи св. Иринея Ліонскаго (стр. 16—43), возрѣнія коего, по мнѣнію нашего автора, составляютъ въ исторіи разсматриваемаго

вопроса цѣлую эпоху, посколькѣ онъ первый изъ христiанскихъ писателей съ наибольшею обстоятельностью 1) раскрылъ ученiе о Свящ. Преданiи въ тѣсномъ смыслѣ, 2) опредѣлилъ тщательно всѣ признаки истиннаго Преданiя и 3) очертилъ кругъ предметовъ, входящихъ въ составъ Преданiя. Какъ создавшiя цѣлую эпоху въ раскрытiи ученiя о Свящ. Преданiи, воззрѣнiя св. Иринея Лионскаго, по мнѣнiю г-на П. П. Пономарева, легли въ основу воззрѣнiй по тому же вопросу: Тертуллиана, св. Ипполита и св. Киприана Карфагенскаго (стр. 44—63), посколькѣ указанные отцы и учителя церкви по схемѣ св. Иринея Лионскаго трактуютъ о значенiи Свящ. Преданiя какъ источника христiанскаго откровенiя, равноправнаго со Свящ. Писанiемъ, о храненiи его въ церквахъ, основанныхъ апостолами или же по крайней мѣрѣ „единокровныхъ съ ними“ по вѣроученiю, о неизмѣняемости Свящ. Преданiя, не взирая на существованiе въ различныхъ церквахъ, о взаимоотношенiи между Свящ. Писанiемъ и Свящ. Преданiемъ, какъ согласными по содержанию и какъ взаимно объясняющими и обосновывающими другъ друга, и объ объемѣ Св. Преданiя, какъ включающаго въ свое содержанiе помимо предметовъ вѣроученiя и нѣкоторые предметы церковной дисциплины, церковнаго культа и проч. Заканчивается разсматриваемый отдѣлъ книги г-на П. П. Пономарева изложенiемъ ученiя о Свящ. Преданiи какъ источникѣ христiанскаго откровенiя великихъ александрийцевъ: св. Климента, Оригена и св. Дιονисiя, въ воззрѣнiяхъ коихъ нашъ авторъ находитъ нѣсколько самостоятельную по отношенiю ко св. Иринею Лионскому постановку въ раскрытiи разсматриваемаго вопроса, такъ какъ они въ отличiе отъ св. Иринея и вышеупомянутыхъ ближайшихъ его учениковъ стараются провести грань между преданiемъ общимъ всѣмъ людямъ и спеціально христiанскимъ, вселенскимъ и помѣстнымъ, утвердить самостоятельность Свящ. Преданiя, какъ источника Божескаго вѣдѣнiя, по формѣ отличнаго отъ Писанiя, но по духу сходнаго съ нимъ и раскрыть ученiе о церкви, какъ хранительницѣ Свящ. Преданiя въ его глав-

ныхъ выразителяхъ—„великихъ людяхъ церкви“, о составѣ Свящ. Преданія, какъ включающаго въ свое содержаніе, кромѣ предметовъ вѣроученія, дисциплины и культа. экзегезисъ Св. Писанія и проч. (стр. 63—76).

Слѣдующій обширный отдѣлъ—II (стр. 77—294) г-мъ Пономаревымъ посвященъ изложенію ученія о Церк. Преданіи отцевъ и учителей восточной церкви: Кирилла Іерусалимскаго, св. Аѳанасія Александрійскаго, св. Василия Великаго, Св. Григорія Нисскаго, св. Григорія Богослова, св. Іоанна Златоустаго, преп. Ефрема Сирина, св. Елифанія Кипрскаго и преп. Викентія Лиринскаго. Характеризуя въ общихъ чертахъ воззрѣнія этихъ церковныхъ писателей по разсматриваемому вопросу, г-нъ Пономаревъ находитъ, что особенностью ихъ является то, что они помимо собственно апостольскаго Преданія, о коемъ трактовали предшествовавшіе церковные писатели, еще трактуютъ о Преданіи отеческомъ, разумѣя подъ нимъ воззрѣнія отцевъ и учителей церкви, которыя по времени появленія своего въ свѣтъ хотя не относятся къ апостольской древности, которыя однакожъ по содержанию своему составляютъ изъ себя апостольскую истину. Изъ всѣхъ указанныхъ отцевъ и учителей церкви г-нъ П. П. Пономаревъ своимъ вниманіемъ останавливается прежде всего на св. Кириллѣ Іерусалимскомъ, который, по его мнѣнію, въ ученіи объ апостольскомъ Преданіи, близко примыкая къ предшествовавшимъ ему отцамъ и учителямъ церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ отличается отъ послѣднихъ тѣмъ, что первый раскрываетъ ученіе объ отеческомъ Преданіи, въ частности утверждаетъ принципъ истинности его, признавая такимъ принципомъ согласіе святоотеческаго ученія со Св. Писаніемъ и чрезъ это расширяетъ объемъ Свящ. Преданія, внося въ этотъ объемъ, кромѣ догматическаго вѣроученія, литургическія предписанія касательно совершенія таинствъ: крещенія, миропомазанія, евхаристіи и канонъ богодухновенныхъ Писаній Ветхаго и Новаго Завѣта. Св. Кирилла Іерусалимскаго въ ученіи о святоотеческомъ Преданіи, по мнѣнію г-на П. П. Пономарева, дополняетъ св. Аѳанасій Александрійскій, поскольку онъ

въ полемикѣ съ духоборцами, савелліанами и др. по поводу, главнымъ образомъ, ученія объ единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцемъ задаваясь вопросомъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать согласіе между собственно отеческимъ Преданіемъ и Св. Писаніемъ, въ качествѣ критерія для этого согласія выдвигаетъ во 1-хъ тождество ученія извѣстнаго отца съ ученіемъ другихъ отцевъ и во 2-хъ высоконравственную жизнь отцевъ и учителей церкви, отъ коихъ происходитъ Преданіе. Изложивъ засимъ ученіе св. Аѳанасія Александрійскаго объ объемѣ Свящ. Преданія, въ каковой объемъ, по мнѣнію нашего ученаго, св. Аѳанасій подобно св. Кириллу помимо вопросовъ догматическаго, каноническаго и литургическаго характера, вноситъ вопросы о богодухновенности Св. Писанія и о канонѣ свящ. книгъ, г-нъ П. П. Пономаревъ далѣе переходитъ къ раскрытію ученія о Свящ. Преданіи св. Василия Великаго, который, по его мнѣнію, своими сужденіями подтверждаетъ воззрѣнія св. Аѳанасія Александрійскаго по разсматриваемому вопросу, поскольку онъ въ апологіи Никейскаго исповѣданія вѣры въ духѣ этого послѣдняго главными свойствами отеческаго Преданія признаетъ его апостольство и слѣд. древность, вселенскость, богодухновенность и поскольку при рѣшеніи вопроса о взаимоотношеніи между Свящ. Писаніемъ и Свящ. Преданіемъ онъ опредѣляетъ это взаимоотношеніе въ смыслѣ тождества истины, излагасмой въ томъ и другомъ, и въ смыслѣ взаимнаго пополненія другъ друга. Все отличіе св. Василия Великаго отъ предшествовавшихъ ему отцевъ и учителей церкви въ раскрытіи ученія объ объемѣ Свящ. Преданія г-нъ П. П. Пономаревъ полагаетъ лишь въ томъ, что въ этотъ объемъ послѣдняго онъ включаетъ не только древнія правила, ранѣе формулированныя церковною властью, но и созиданіе новыхъ, вызываемыхъ нуждами времени. Останавливаясь затѣмъ на св. Григоріи Нисскомъ, г-нъ П. П. Пономаревъ находитъ, что этотъ св. отецъ главнымъ образомъ въ своей полемикѣ съ евноміанами, македоніанами и аполлинаристами при раскрытіи ученія по разсматриваемому вопросу, въ частности при раскры-

тіи ученія о Свящ. Преданіи какъ источникъ христіанскаго вѣдѣнія, объ его достоинствѣ и проч. близко примыкаеть къ воззрѣніямъ предшествовавшихъ ему отцевъ, въ особенности Аѳанасія Александрійскаго и Василя Великаго. Оригинальность св. Григорія Нисскаго, по мнѣнію нашего автора, состоитъ во 1-хъ въ томъ, что онъ вводитъ въ свои сужденія философскій элементъ, во 2-хъ въ томъ, что онъ при раскрытіи вопроса о взаимоотношеніи между Св. Писаніемъ и Свящ. Преданіемъ трактуеть въ частности объ отношеніи вѣрующихъ къ догматическимъ формуламъ, доказывая при этомъ ту мысль, что по чувству терпимости въ борьбѣ съ еретиками позволительно употребленіе разнообразныхъ терминовъ, лишь бы они заключали въ себѣ благочестивое ученіе, каковое разнообразіе однакъ недопустимо въ другихъ случаяхъ, напр. при изложеніи вѣры православнымъ, при приѣмѣ приходящихъ въ церковь и проч. и въ 3-хъ въ томъ, что онъ, говоря объ объемѣ Свящ. Преданія, въ содержаніе послѣдняго, помимо уже извѣстныхъ областей, включаетъ еще область моральную. Менѣе данныхъ для ученія о Свящ. Преданіи г-нь П. Пономаревъ находитъ у св. Григорія Богослова, потому что этотъ св. отецъ, по его мнѣнію, лишь мимоходомъ касаюсь большинства вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ Свящ. Преданію, болѣе или менѣе подробно останавливается лишь на ученіи объ органахъ Преданія, каковыми у него преимущественно являются предстоятели церкви, и о мѣстѣ храненія Преданія, каковымъ у него является вселенская церковь. Кратко упомянувъ засимъ объ Амфилохіи Каппадокійскомъ, какъ затронувшемъ въ своихъ твореніяхъ только вопросъ объ объемѣ Свящ. Преданія, г-нь П. Пономаревъ болѣе подробно останавливается на св. Іоаннѣ Златоустомъ и св. Ефремѣ Сиринѣ, но и у нихъ находитъ сравнительно мало данныхъ въ пользу ученія о Свящ. Преданіи, потому что и эти св. отцы, по его взгляду, по преимуществу останавливая свое вниманіе на ученіи о Свящ. Писаніи, хотя и касаются почти всѣхъ вопросовъ изъ общаго ученія о Свящ. Преданіи, коихъ касались предшествовавшіе имъ писатели,

однакожъ чего-либо новаго не высказываютъ. Единственно новос г-нъ П. П. Пономаревъ находитъ лишь въ ученіи св. Ефрема Сирина объ объемъ Свящ. Преданія, поскольку онъ въ этотъ объемъ включаетъ цѣлый новый отдѣлъ—агіологическій. Болѣе данныхъ для ученія о Свящ. Преданіи г-нъ П. П. Пономаревъ находитъ у св. Епифанія Кипрскаго. Сходясь съ предшествовавшими отцами и учителями церкви въ большинствѣ раскрываемыхъ пунктовъ, въ частности въ ученіи о происхожденіи Преданія, о мѣстѣ его храненія, объ органахъ Преданія, св. Епифаній Кипрскій, по мнѣнію П. П. Пономарева, отъ предшествовавшихъ отцевъ и учителей церкви отличается во 1-хъ тѣмъ, что въ параллель съ Преданіемъ христіанскимъ поставляетъ преданіе языческое, древне-ветхозавѣтное, іудейское и самарянское, признавая основнымъ принципомъ при провѣркѣ этого преданія согласіе или несогласіе со Св. Писаніемъ, во 2-хъ тѣмъ, что въ объемъ Свящ. Преданія помимо теоретическихъ истинъ включаетъ практическія добродѣтели, напр. дѣвство, нестяжательность, воздержаніе и проч. Заканчивается рассматриваемый отдѣлъ книги г-на П. П. Пономарева изложеніемъ ученія о свящ. Преданіи Викентія Лиринскаго, коимъ, по мнѣнію нашего ученаго, въ строго научной формѣ подвергнуты изслѣдованію во 1-хъ вопросъ о необходимости Св. Преданія, какъ руководственного начала при пониманіи Св. Писанія, во 2-хъ о качествахъ истиннаго Преданія, каковыми являются древность, всеобщность, согласіе и неизмѣнность его догматическаго содержанія, и въ 3-хъ вопросъ о прогрессивномъ развитіи догматики, каковое развитіе, по пониманію св. Викентія, состоитъ въ усовершенствѣніи внѣшней формы при тождествѣ содержанія догматической стороны христіанской религіи.

Третій отдѣлъ книги г-на П. П. Пономарева (стр. 295—323) посвященъ обзорѣнію ученія о Свящ. Преданіи вселенскихъ соборовъ и прежде всего 1-го вселенскаго собора, въ дѣяніяхъ коего г-нъ П. П. Пономаревъ находитъ вполне достаточныя данныя для утвержденія за Свящ. Преданіемъ значенія критерія при опредѣленіи и разборѣ

еретическихъ ученій, для установленія характерныхъ свойствъ истиннаго Преданія, въ частности его единства, всеобщности, неизмѣняемости и богодухновенности и для установленія различія между догматической и канонической сторонами Свящ. Преданія, изъ коихъ первая является неизмѣняемой, вторая—подверженной измѣненію. Переходя за симъ ко 2-му вселенскому собору, г-нь П. П. Пономаревъ признаетъ, что въ опредѣленіяхъ этого собора можно найти очень мало теоретическихъ данныхъ въ пользу ученія о Свящ. Преданіи, потому что въ нихъ раскрывается лишь то положеніе, что въ области догматико-канонической Свящ. Преданіе имѣетъ задачей своей установленіе древне-истинной вѣры, но зато этотъ недостатокъ прочныхъ данныхъ теоретическаго характера въ дѣянїяхъ 2-го вселенскаго собора, по мнѣнію П. П. Пономарева, съ избыткомъ пополняется данными характера практическаго, поскольку они выразились въ извѣстномъ Константинопольскомъ символѣ, принятомъ отцами упомянутаго собора. Признавая столь важное значеніе за указаннымъ символомъ, г-нь П. П. Пономаревъ вполне естественно защищаетъ его историческую цѣнность противъ нападковъ западно-богословской науки въ лицѣ проф. А. Гарнака.

Болѣе данныхъ въ пользу ученія о Свящ. Преданіи г-нь П. П. Пономаревъ находитъ въ опредѣленіяхъ 3-го вселенскаго собора, потому что въ нихъ помимо утвержденія общаго понятія о Свящ. Преданіи, какъ источникѣ христіанскаго вѣдѣнія, въ частности изъ области апостольскаго догматическаго Преданія раскрывается сотериологическое ученіе, являющееся для отцевъ собора живымъ исповѣданіемъ католической церкви, нашедшимъ для себя выраженіе въ символѣ 1-го вселенскаго собора; изъ области отеческаго догматическаго Преданія раскрывается ученіе о Лицѣ Богородицы, согласное, если не по буквѣ, то по крайней мѣрѣ по содержанию со Св. Писаніемъ и съ ученіемъ св. отцевъ и изъ области каноническаго Преданія утверждается при сохранности древняго каноническаго Преданія возможность расширенія его новыми каноническими опредѣленіями согласно обстоятельствамъ времени.

Очень близко къ указаннымъ опредѣленіямъ 3-го вселенскаго собора, по взгляду П. П. Пономарева, по своему характеру примыкають опредѣленія 4-го вселенскаго собора, такъ какъ и въ нихъ примѣнительно къ ученію о спасеніи, какъ актѣ Богочеловѣческомъ, также раскрывается ученіе о Свящ. Преданіи: апостольскомъ, отеческомъ и каноническомъ, при чемъ поставляется задачей перваго утвержденіе истинной древневселенской вѣры, согласной съ ученіемъ І. Христа и Его апостоловъ; задачей втораго согласіе съ ученіемъ Свящ. Писанія, предшествовавшихъ вселенскихъ соборовъ и св. отцевъ, особенно св. Кирилла Александрійскаго; задачей третьяго при сохранности прежнихъ (каноническихъ) постановленій пополненіе ихъ новыми постановленіями, однакожь должствующими сообразоваться съ духомъ древней канонической практики.

Остановливаясь на 5-мъ вселенскомъ соборѣ, г-нъ П. П. Пономаревъ находитъ, что хотя въ опредѣленіяхъ этого собора содержится очень мало данныхъ для раскрытія ученія о Свящ. Преданіи, однакожь эти данныя очень характерны, такъ какъ въ нихъ рѣшается принципиальный вопросъ объ основахъ Преданія апостольскаго и отеческаго, при чемъ, касаясь перваго, отцы 5-го вселенскаго собора виновникомъ его признають самого І. Христа, считая апостоловъ, отцевъ церкви и соборы лишь провозвѣстниками, изъяснителями и свидѣтелями Свящ. Преданія; что же касается втораго, т. е. отеческаго Преданія, то отцы разсматриваемаго собора въ качествѣ основы его, по мнѣнію нашего автора, выставляютъ ученіе по преимуществу отцевъ, выдѣлившись изъ среды другихъ своею святою жизнью и согласовавшихся съ ученіемъ Писанія и апостольскаго Преданія. Очень цѣнный матеріалъ для ученія о Свящ. Преданіи, по мнѣнію г-на П. Пономарева, доставляетъ шестой вселенскій соборъ, такъ какъ въ опредѣленіяхъ его прежде всего утверждается ясное ученіе объ апостольскомъ Преданіи и его частныхъ свойствахъ: повсюдной одинаковости, неизмѣняемости, затѣмъ не менѣе ясное ученіе объ отеческомъ Преданіи, выражающемся

какъ въ постоянномъ слѣдованіи отцевъ собора отеческимъ свидѣтельствамъ, такъ даже въ провѣркѣ святоотеческихъ свидѣтельствъ, приводимыхъ на 6-мъ вселенскомъ соборѣ и съ православной и съ еретической сторонъ и наконецъ очень ясное ученіе о каноническомъ Преданіи съ его частными подраздѣленіями, обозначенными отцами собора съ помощью терминовъ *observatio*, *expositio*, *renovatio*, *statutio*, изъ коихъ первымъ обозначаются правила, подтверждающія древнія дѣйствующія церковныя постановленія, вторымъ—правила, расширяющія прежнія церковныя постановленія, третьимъ—правила, возобновляющія прежнія церковныя постановленія, и послѣднимъ—правила, представляющія изъ себя опредѣленія соборныя. Не менѣе цѣнный матеріаль для ученія о Свящ. Преданіи, по мнѣнію П. П. Пономарева, доставляетъ и VII вселенскій соборъ, опредѣленіями коего утверждается прежде всего дѣйствительность апостольскаго Преданія съ его частными свойствами: древностью, повсюднымъ согласіемъ и неиспорченностью, затѣмъ дѣйствительность отеческаго Преданія, выражающаяся въ приведеніи отцами VII-го вселенскаго собора при опроверженіи иконоборческой ереси множества святоотеческихъ свидѣтельствъ и въ тщательной провѣркѣ ихъ, и наконецъ дѣйствительность каноническаго Преданія, выражающаяся въ тѣхъ же чертахъ, коими характеризуется ученіе о святоотеческомъ Преданіи. Заключение изслѣдованія г-на П. Пономарева посвящено „Систематическому изложенію ученія о Св. Преданіи на основаніи его исторіи въ древней церкви“ (стр. 524—578). Центральное значеніе при этомъ изложеніи указаннаго ученія г-нъ П. П. Пономаревъ отводитъ ученію о церкви, какъ учительницѣ, хранительницѣ и истолковательницѣ всего того, что, будучи необходимо для благочестивой жизни, сообщается намъ частью письменно, частью устно. Подобный взглядъ на церковь, по мнѣнію г-на П. П. Пономарева, оправдывается ученіемъ и Самого Господа и апостоловъ. Хотя, согласно этому ученію, хранительницею Преданія является вся церковь, тѣмъ не менѣе не всѣ члены ея, вслѣдствіе различнаго умственнаго

и нравственного ихъ состоянія, въ одинаковой степени могутъ рефлексировать ся ученіе, и потому преимущественное значеніе предъ остальными вѣрующими въ разсматриваемомъ отношеніи, по взгляду нашего ученаго, имѣютъ отцы церкви, истинное исповѣданіе которыхъ запечатлѣно святостью жизни, и засимъ предстоятели церкви. Это признаніе центрального значенія за церковью въ ученіи о Преданіи, по мнѣнію г-на П. П. Пономарева, раздѣляютъ и представители римско-католической церкви, отъ православнаго ученія по разсматриваемому вопросу однакожь уклоняющіеся въ томъ, что понятіе о церкви, какъ хранительницѣ Преданія, они сѣуживаютъ до понятія церкви учащей или до понятія церковнаго учительства исключительно предстоятелей церкви, соединенныхъ между собою законнымъ главенствомъ преемника ап. Петра—римскаго первосвященника, обладающаго даромъ непогрѣшимости. Въ противовѣсъ этому ученію появилось, по мнѣнію г-на П. П. Пономарева, протестантское ученіе, которое напротивъ отвергло видимую церковь, какъ церковь истинную, а слѣдовательно уничтожило значеніе церкви, какъ хранительницы и истолковательницы Преданія. Вторымъ существеннымъ пунктомъ изъ общаго ученія о Свящ. Преданіи, по взгляду П. Пономарева, является признаніе за нимъ значенія дѣйствительнаго источника христіанскаго Откровенія наравнѣ со Св. Писаніемъ. Имѣя для себя прямыя основанія въ самомъ Откровеніи и святоотеческой письменности, ученіе о дѣйствительности Свящ. Преданія, какъ источника христіанскаго Откровенія, по взгляду П. Пономарева, признается также и римскимъ католицизмомъ и отвергается протестантствомъ. представители коего признаютъ за Свящ. Преданіемъ лишь значеніе историческаго памятника преимущественно съ дисциплинарнымъ характеромъ. Третьимъ основнымъ пунктомъ въ общемъ ученіи о Свящ. Преданіи, по взгляду г-на П. П. Пономарева, является ученіе о существѣ Свящ. Преданія, дѣлимаго на Преданіе въ обширномъ смыслѣ, обнимающее всю вообще живую проповѣдь церкви, и Преданіе въ тѣсномъ смыслѣ, обнимающее собою

лишь проповѣдь, не находящую для себя адекватнаго выраженія въ Писаніи. Въ свою очередь послѣднее Преданіе, по мнѣнію П. Пономарева, дѣлится на апостольское, содержащее въ себѣ проповѣдь, которая заключена въ письмени преемниками апостоловъ, и отеческое, включающее въ себя ученіе отцевъ церкви. По содержанию своему Свящ. Преданіе, по мнѣнію П. П. Пономарева, дѣлится на Преданіе догматическое, нравоучительное и дисциплинарное. Характерною чертою первыхъ двухъ является неизмѣняемость, характерною чертою послѣдняго—измѣняемость, въ силу чего первыя не могутъ развиваться объективно, развиваясь только субъективно, послѣднее можетъ развиваться и объективно и субъективно. Отъ этого православнаго ученія о существѣ Преданія римско-католическое пониманіе, по взгляду П. Пономарева, отличается во 1-хъ тѣмъ, что въ немъ вмѣсто раздѣленія Преданія на апостольское и отеческое существуетъ болѣе дробная классификація Преданія: на Господнее, Божественно-апостольское, церковное и отеческое; во 2-хъ тѣмъ, что, по римско-католическому пониманію, признается возможность не субъективнаго только, но и объективнаго развитія догматическаго Преданія. Отличіе протестантскаго ученія по разсматриваемому вопросу отъ ученія православнаго, по мнѣнію П. Пономарева, заключается въ томъ, что по нему за Свящ. Преданіемъ признается значеніе не источника вѣроученія, но историческаго памятника съ дисциплинарнымъ характеромъ. Четвертымъ существеннымъ пунктомъ въ общемъ ученіи о Свящ. Преданіи, по мнѣнію автора изслѣдованія, является ученіе о взаимоотношеніи между Св. Писаніемъ и Свящ. Преданіемъ, проявляющееся съ одной стороны въ томъ, что то и другое содержатъ одну истину, съ другой—въ томъ, что первое обосновываетъ второе, а второе является руководительнымъ началомъ для пониманія перваго и дополняетъ его. Отъ этого ученія о взаимоотношеніи между Свящ. Писаніемъ и Свящ. Преданіемъ представители римскаго католицизма, по мнѣнію П. П. Пономарева, уклоняются лишь въ томъ, что они слишкомъ отграни-

чиваютъ отъ Свящ. Писанія тотъ классъ преданій, которыя не имѣютъ для себя основаній въ послѣднемъ, хотя и не противорѣчатъ ему. Въ противоположность этимъ крайнимъ воззрѣнїямъ римскихъ католиковъ протестанты, по взгляду П. П. Пономарева, впадаютъ въ противоположную крайность въ томъ смыслѣ, что вполне отождествляютъ догматическое Преданіе со Свящ. Писаніемъ. Пятымъ основнымъ пунктомъ въ общемъ ученіи о Свящ. Преданіи, по взгляду П. Пономарева, является ученіе о богодуховенности Свящ. Преданія, какъ имѣющаго своимъ виновникомъ самого Св. Духа. Въ данномъ случаѣ между апостольскимъ и отеческимъ Преданіемъ, по мнѣнію автора изслѣдованія, должно быть проведено то различіе, что богодуховенное достоинство перваго обуславливается непосредственнымъ происхожденіемъ его отъ Св. Духа; богодуховенное же достоинство втораго утверждается чрезъ посредства, каковыми являются: 1) согласіе со Св. Писаніемъ, 2) съ апостольскимъ Преданіемъ и 3) санкція церковнымъ авторитетомъ. Шестымъ основнымъ пунктомъ въ ученіи о Свящ. Преданіи, по мнѣнію П. Пономарева, является ученіе о самостоятельности Свящ. Преданія, какъ источника христіанскаго вѣроученія. Доказывая эту самостоятельность на основаніи ученія Христа Спасителя, апостоловъ и св. отцевъ, г-нь П. П. Пономаревъ вмѣстѣ съ тѣмъ подробно разбираетъ возраженія, которыя дѣлались и дѣлаются противъ этой самостоятельности со стороны главнымъ образомъ протестантовъ. Послѣднимъ основнымъ пунктомъ въ общемъ ученіи о Свящ. Преданіи, по взгляду П. Пономарева, является ученіе о значеніи Свящ. Преданія, каковое значеніе у нашего автора раскрывается съ трехъ сторонъ: во 1-хъ значеніе Свящ. Преданія въ борьбѣ съ ересями, во 2-хъ значеніе для дисциплинарной стороны христіанства и наконецъ въ 3-хъ значеніе Свящ. Преданія для науки, особенно догматики, какъ заимствующей матеріаль изъ Преданія. Въ концѣ изслѣдованія (стр. 579—586), въ особомъ Приложеніи, г-нь П. Пономаревъ высказываетъ нѣсколько сужденій по поводу изслѣдованія І. Филевскаго: Ученіе православной церкви о Священномъ Преданіи. Харьковъ. 1902 г.

Уже изъ этого простого изложенія содержанія сочиненія П. П. Пономарева легко можно видѣть то, насколько капитальнымъ трудомъ является оно. Авторъ избралъ для обработки въ своемъ изслѣдованіи тему чрезвычайно серьезную и намѣтилъ рамки для ея обслѣдованія весьма обширныя. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому въ томъ, что сочиненіе г-на П. Пономарева при всѣхъ его высокихъ научныхъ достоинствахъ не чуждо нѣкоторыхъ, несущественныхъ впрочемъ, недостатковъ. Появленіе коихъ отчасти обуславливается самой постановкой избранной авторомъ темы. Въ своемъ сочиненіи г. П. Пономаревъ задался цѣлью изложить ученіе о Свящ. Преданіи, какъ источникъ христіанскаго вѣдѣнія въ древней и преимущественно восточной церкви; но для полноты обслѣдованія избранной темы г-нъ П. П. Пономаревъ счелъ пужнымъ познакомить читателей также съ ученіемъ по разсматриваемому вопросу церковью римско-католической и протестантско-лютеранской. Съ этою цѣлью отчасти, мнѣ кажется, онъ съ такою обстоятельною подробностью излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся трудовъ римско-католическихъ и протестантскихъ, посвященныхъ обслѣдованію вопроса о Св. Преданіи. И самъ авторъ впрочемъ проговаривается въ этомъ, когда напр. на стр. LXI своего изслѣдованія пишетъ: „какъ недостаточно было для полноты представленія о римской католической доктринѣ о преданіи ограничиться изложеніемъ ея по сочиненію San'a, а нужно было еще сличить его съ трудами предшественниковъ; такъ слѣдуетъ поступить и здѣсь (т. е. при изложеніи протестантскаго ученія о преданіи), — тѣмъ болѣе, что характеристика протестантскаго ученія о преданіи у San'a, хотя и правдивая, но все-таки характеристика автора чуждой, римско-католической литературы, а не собственно—протестантской; тѣмъ болѣе далѣе, что въ раскрытіи, обоснованіи и утвержденіи своемъ лютеранское ученіе о преданіи имѣетъ свою исторію, свой нелишенный интереса процессъ...“ Но задавшись цѣлью познакомить читателя не только съ православнымъ, но и съ римско-католическимъ и проте-

стантскимъ ученіями по разсматриваемому вопросу, П. П. Пономаревъ отчасти по самому характеру своего изслѣдованія, отчасти и по методу въ раскрытіи римско-католическаго и протестантско-лютеранскаго ученій о Свящ. Преданіи не представилъ намъ вполнѣ обстоятельнаго очерка того и другого ученій. Что касается прежде всего римско-католическаго ученія о Свящ. Преданіи, то г-нъ П. Пономаревъ знакомитъ съ сущностью его путемъ обстоятельнаго изложенія содержанія главнымъ образомъ двухъ наиболѣе видныхъ трудовъ въ разсматриваемой нами области: De-San'a. Tractatus de divina traditione et scriptura. Brugis. 1903, затѣмъ Franzelin'a. Tractatus de divina traditione et scriptura. Romae. 1896 и отчасти трудовъ римско-католическихъ богослововъ: Bellarminus'a, Martinus'a Becanus'a, P. Dens'a, Luzern'a, Perrone и нѣкоторыхъ другихъ. Нельзя конечно отрицать того факта, что труды указываемыхъ авторомъ римско-католическихъ богослововъ, особенно San'a и Franzelin'a, являются наиболѣе выдающимися въ римско-католической богословской литературѣ, посвященной обслѣдованію римско-католическаго ученія о Свящ. Преданіи, и г. П. П. Пономаревъ сдѣлалъ очень хорошо, что представилъ намъ довольно содержательный очеркъ возрѣній указанныхъ богослововъ по разсматриваемому вопросу. Признавая этотъ фактъ, нельзя однакожъ въ то же время не признать и другого факта — именно того, что подобнаго рода постановка въ раскрытіи римско-католическаго ученія о Свящ. Преданіи едва ли можетъ быть признана вполнѣ цѣлесообразной. Вѣдь San, Franzelin и другіе римско-католическіе богословы, на коихъ остановилось вниманіе П. П. Пономарева, съ точки зрѣнія и православной и римско-католической простые смертные ученые, трактаты которыхъ о Свящ. Преданіи, не взирая на ихъ научныя достоинства, все-таки обычныя ученныя произведенія и потому не могутъ выражать и не выражаютъ символическаго ученія римско-католической церкви по разсматриваемому вопросу, тѣмъ болѣе, что и появились въ свѣтъ нѣкоторые изъ указанныхъ трудовъ безъ извѣстной формулы: „cum approbatione...“, обычно

употребляемой римской куріей въ томъ случаѣ, когда она хочетъ отгнѣнить особую цѣнность извѣстнаго литературнаго произведенія, какъ выражающаго подлинно церковное ученіе по извѣстному вопросу. А между тѣмъ на раскрытіи этого то символическаго ученія римской церкви о Свящ. Преданіи, какъ подлинно выражающаго голосъ этой церкви въ разсматриваемомъ вопросѣ, нашему автору, конечно, и слѣдовало бы главнѣе всего остановиться своимъ вниманіемъ вмѣсто того, чтобы подробно излагать содержаніе трактатовъ о Свящ. Преданіи San'a, Franzelin'a и другихъ римско-католическихъ богослововъ, какъ выражающихъ лишь ученые взгляды отдѣльныхъ личностей. Можетъ быть „камнемъ преткновенія“ для нашего автора въ его отношеніи къ символическому ученію римской церкви о Свящ. Преданіи послужило то обстоятельство, что даже въ вышепоименованныхъ трактатахъ San'a и Franzelin'a, кои онъ имѣлъ подъ руками при написаніи своего труда, нельзя найти болѣе или менѣе обстоятельнаго очерка символьнаго ученія римско-католической церкви по разсматриваемому вопросу, но это само собою понятно, можетъ свидѣтельствовать и свидѣтельствуется лишь о томъ, что и указанные трактаты римско-католическихъ богослововъ страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ въ разработкѣ разсматриваемаго нами вопроса, какой присущъ изслѣдованію нашего автора, и что если этотъ недостатокъ болѣе или менѣе извинителенъ въ работѣ нашего ученаго, какъ православнаго богослова, то онъ совсѣмъ не извинителенъ въ трактатахъ римско-католическихъ богослововъ, посвященныхъ изложенію ученія римско-католической церкви о Свящ. Преданіи, какъ источникѣ христіанскаго Откровенія. Можетъ быть, на отношеніе П. П. Пономарева къ символьному ученію римско-католической церкви о Свящ. Преданіи повліяло и то обстоятельство, что это ученіе не настолько богато и не настолько характерно своимъ содержаніемъ, чтобы можно было изложить его въ обстоятельномъ очеркѣ. Не отрицая нѣкоторой доли справедливости этого факта, не могу однакожь не отмѣтить того, что символьное ученіе

римской церкви о Свящ. Преданіи и не настолько бѣдно своимъ содержаніемъ и не настолько малоцѣнно въ дѣлѣ раскрытія разрабатываемой авторомъ темы, чтобы можно было его совсѣмъ или почти совсѣмъ игнорировать, какъ это дѣлаетъ П. П. Пономаревъ. Въ дѣйствительности, если бы нашъ авторъ обратился при изученіи римско-католическаго ученія о Свящ. Преданіи не къ указаннымъ трактатамъ San'a и Franzelin'a и другихъ римско-католическихъ богослововъ, а къ символическимъ опредѣленіямъ римско-католической церкви по разсматриваемому вопросу, поскольку они содержатся въ соборныхъ постановленіяхъ римской церкви и въ папскихъ буллахъ, то онъ убѣдился бы въ томъ, что и на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя содержатся въ этихъ опредѣленіяхъ, можно все-таки представить очеркъ символическаго ученія римско-католической церкви по интересовавшему его вопросу. Такъ для ознакомленія съ римско-католическимъ ученіемъ о равноцѣнности Свящ. Преданія, какъ источника христіанскаго Откровенія, съ Свящ. Писаніемъ П. П. Пономаревъ могъ бы найти данныя въ опредѣленіяхъ 8-го вселенскаго собора римско-католической церкви — Константинопольскаго 869 года (см. Henricus Denzinger. *Enchiridion symbolorum et definitionum, quae de rebus fidei et morum a conciliis oecumenicis et summis pontificibus emanarunt*. Wirceburgi. 1874. Pg. 97—99), въ извѣстной символической книгѣ римской церкви—въ *Professio fidei Tridentinae* a Pio IV per Constitutionem „*Injunctum nobis*“ 18 Nov. 1564. ex decreto Tridentino sess. 24. cap. 13. de Reform. et sess. 25. cap. 2. de Reform. praescripta. (см. H. Denzinger. *Op. cit.* Pg. 192—193), въ другой символической книгѣ римской церкви—въ *Professio fidei Orientalibus praescripta* ab Urbano VIII et Benedicto XIV per Constitutionem „*Nuper ad nos*“ (см. H. Denzinger. *Op. cit.* Pg. 198—199), въ опредѣленіяхъ соборовъ: Тридентскаго (см. Streitwolf et Klener. *Libri Symbolici ecclesiae catholicae*. tom. I. Gottingen. 1876. Concil. Trident. Sess. IV. Pg. 13—17) и Ватиканскаго (Concil. Vatic. Sess. 3 cap. 2) и др. Для ознакомленія съ символическимъ ученіемъ римско-католической церкви.

объ авторитетъ св. отцевъ П. П. Пономаревъ нашелъ бы нѣкоторыя данныя въ опредѣленіяхъ онятъ того же 8-го вселенскаго собора римской церкви—Константинопольскаго 869 г. (Н. Denzinger. Op. cit. Pg. 97—98), въ опредѣленіяхъ собора Валентиніанскаго—Concilii Valentini 855. Conones de praedestinatione adversus Ioannem Scotum (Н. Denzinger. Op. cit. Pg. 104—105), въ бреве папы Пія IX-го по поводу ученія Гунтера Pii PP. IX. Breve de libris et doctrina Guentheri ad cardinalem archiepiscopum Coloniensem d. 15 Jun. 1857 и въ бреве того же папы по поводу ученія того же Гунтера отъ 30-го марта 1857—Breve ad episcopum Wratislaviensem de erroribus Guentheri et scholae Guentherianae d. 30 Mart. 1857 (см. Henricus Denzinger. Op. cit. Pg. 330—331) и др. Нѣкоторыя данныя нашелъ бы П. П. Пономаревъ въ символическихъ книгахъ римско-католической церкви и относительно значенія Свящ. Преданія, въ частности святоотческаго въ дѣлѣ истолкованія Св. Писанія, напр. въ тѣхъ же опредѣленіяхъ Тридентскаго собора sess. 4. и собора Ватиканскаго sess. 3. cap. 2. И наконецъ нашелъ бы нашъ авторъ нѣкоторыя данныя и для пониманія истинныхъ воззрѣній римской церкви на значеніе богословской литературы въ ея отношеніи къ Свящ. Преданію, напр. въ декретахъ папы Мартина V-го и собора Констанцскаго по поводу ученія Виклефа—Decreta Martini V et concilii Constantiensis (см. Denzinger. Op. cit. Pg. 160), въ Propositiones 85 synodi dioecesanæ Pistoriensis damnatae a Pio VI per Constitutionem „Auctorem fidei“ 28 Aug. 1794 (см. Denzinger. Op. cit. Pg. 297—248) и проч. Правда, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, содержащаяся въ указанныхъ перводокументахъ данныя, имѣющія отношенія къ символическому ученію римской церкви о Свящ. Преданіи, носятъ отрывочный характеръ, но на основаніи и этихъ данныхъ при всей ихъ отрывочности можно было бы нашему автору составить болѣе или менѣе обстоятельный очеркъ символическаго ученія римской церкви о Свящ. Преданіи, который послужилъ бы прекраснымъ дополненіемъ и, такъ сказать, санкціонированіемъ воззрѣній тѣхъ

римскихъ богослововъ, труды которыхъ нашъ авторъ съ такою обстоятельностью излагаетъ въ своемъ изслѣдованіи.

Другую и даже, можно сказать, главную цѣль подробнаго анализа изслѣдованій De-San'a, Franzelin'a и другихъ римско-католическихъ богослововъ П. П. Пономаревъ полагаетъ въ томъ, чтобы познакомить читающую публику какъ вообще съ характеромъ римско-католической литературы, посвященной обслѣдованію ученія о Свящ. Преданіи, такъ въ частности и съ тѣми методами, коими она пользуется, съ тѣми задачами, кои она преслѣдуетъ, и съ тѣми выводами, къ которымъ она приходитъ при раскрытіи ученія по указанному вопросу. Въ этомъ нашъ авторъ полагаетъ главное отличіе своего изслѣдованія отъ изслѣдованія свящ. І. Филевскаго: Ученіе православной церкви о Свящ. Преданіи. Харьковъ. 1902, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его: „въ сочиненіи о. Филевскаго сообщается собственно понятіе объ *основномъ* взглядѣ протестантства и римско-католичества на Преданіе, но остается въ тѣни характеристика протестантской и римско-католической литературы на почвѣ ея *исторіи*. Мы, въ своемъ введеніи къ сочиненію, на первомъ планѣ выдвигаемъ характеристику инославной литературы о Преданіи на фонѣ ея исторіи и, согласно съ добытыми наблюденіями надъ этою литературой, пытаемся достигнуть этого по отношенію къ римско-католической литературѣ чрезъ сравненіе съ современной доктриной о Преданіи съ доктриною прежнихъ лѣтъ, начиная съ Беллярмина, а по отношенію къ протестантской литературѣ чрезъ разсмотрѣніе съ одной стороны данныхъ о Преданіи символическихъ книгъ лютеранства, а съ другой стороны чрезъ обзоръ извѣстныхъ трудовъ, явившихся въ самой исторіи протестантства...“ (Стр. 579—580). Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, представленный П. П. Пономаревымъ очеркъ римско-католической литературы, посвященной обслѣдованію Свящ. Преданія, долженъ быть признанъ имѣющимъ большую научную цѣнность, потому что въ немъ приведены всѣ или почти всѣ труды изъ римско-католической литературы, посвященные обслѣдованію трактуемаго авторомъ.

вопроса, приведены притомъ съ подробнымъ и документальнымъ анализомъ. Но отмѣчая этотъ фактъ, я въ то же время не могу не выразить нѣкотораго недоумѣнія по поводу плана, коего при этомъ придерживается нашъ авторъ. Дѣло въ томъ, что П. П. Пономаревъ обзоръ римско-католической литературы, посвященной изученію вопроса о Свящ. Преданіи, начинается съ обслѣдованія труда De-San'a. Tractatus de divina traditione et scriptura и затѣмъ сравниваетъ этотъ трудъ съ трудами прежнихъ римско-католическихъ богослововъ, начиная съ Беллярмина (ум. въ 1621 г.) и Мартина Бекана (ум. въ 1624 г.). Побужденіемъ для нашего автора къ избранію подобнаго рода метода при ознакомленіи съ римско-католической литературой служитъ то обстоятельство, что трудъ San'a является трудомъ новѣйшимъ и наиболѣе полнымъ (стр. XLIX—LX). Но утверждая это положеніе, нашъ авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ также и то положеніе, что новизна изслѣдованія San'a состоитъ лишь въ томъ, что оно появилось въ недавнее время; что же касается самаго содержанія сочиненія указаннаго ученаго, то чего-либо существенно новаго оно въ себѣ не содержитъ. „По времени появленія своего въ свѣтъ, пишетъ П. П. Пономаревъ, сочиненіе San'a: Tractatus de divina traditione et scriptura есть трудъ новый. Но по утверждаемымъ въ немъ *общимъ положеніямъ* этотъ трудъ воспроизводитъ продукты предыдущей богословской работы римско-католическихъ писателей. Справедливость этой послѣдней мысли вполне явствуетъ изъ соотношенія или сравненія сочиненія San'a, по его *общимъ положеніямъ*, съ сочиненіями его предшественниковъ—римско-католическихъ богослововъ не только новаго, но и стараго времени...“ (стр. XLIX). Что же касается полноты содержанія изслѣдованія San'a, то она, по мнѣнію П. П. Пономарева, состоитъ лишь въ томъ, что San „какъ бы синтезируетъ или собираетъ во едино тѣ сужденія о Преданіи, которыя въ сочиненіяхъ предыдущихъ богослововъ были высказаны, гдѣ кратко, какъ у Петра Денса, Люцерна, гдѣ подробнѣе, какъ у Беллярмина, Бекана, гдѣ еще болѣе подробно, какъ у

Перронс, Шеебена, Гейнриха. Это не значитъ, конечно, писать далѣ нашъ авторъ, того, что у San'a у одного собрано все, что было высказано на протяженіи вѣковъ въ римской католической литературѣ,—нѣтъ; но свидѣтельствуется только о сравнительной полнотѣ содержанія его труда, о томъ, что онъ собралъ порядочно свѣдѣній какъ положительнаго, такъ и полемическаго характера по вопросу о Преданіи...“ Единственно, что отличаетъ трудъ San'a отъ трудовъ предшествовавшихъ ему богослововъ, по мнѣнію нашего автора, заключается лишь въ нѣкоторыхъ „деталяхъ“, но и при этихъ деталяхъ, по мнѣнію же П. П. Пономарева, „отличіе труда San'a отъ сочиненій его предшественниковъ является все-таки не существеннымъ, а случайнымъ...“ (стр. LX—LXI). Но если такимъ образомъ, какъ заявляетъ самъ же нашъ авторъ, трудъ San'a, по сравненію съ предшествовавшими ему трудами чего-либо существенно новаго ни по содержанію, ни по полнотѣ изъ себя не представляетъ, если онъ является лишь выводомъ изъ предшествовавшихъ ему трудовъ, то, само собою понятно, П. П. Пономареву слѣдовало бы обзоръ римско-католической литературы, посвященной изложенію ученія о Свящ. Преданіи, начинать не съ изслѣдованія упомянутаго ученаго, а съ изслѣдованій, появившихся ранѣе указаннаго изслѣдованія, начиная съ самыхъ древнихъ, на почвѣ коихъ, по заявленію самого же автора, такъ сказать, возросло изслѣдованіе San'a со всѣми его достоинствами и недостатками. Тогда стало бы яснымъ и то, какъ постепенно развивалась римско-католическая богословская литература, посвященная обслѣдованію ученія о Свящ. Преданіи, какія новыя идеи вводились въ содержаніе ея и какъ эти идеи перерабатывались у послѣдующихъ писателей. Тогда стало бы яснымъ и то, каково значеніе того или иного богослова по сравненію съ предшествовавшими и послѣдующими ему богословами въ разработкѣ ученія о Преданіи. И наконецъ, тогда бы сравнительная характеристика разсматриваемыхъ трудовъ не носила бы у нашего ученаго того формализма, коимъ она страдаетъ при настоящей

постановкѣ. Теперь эта сравнительная оцѣнка бѣльшую частью ограничивается простымъ сопоставленіемъ разсматриваемыхъ авторомъ сочиненій, сопровождаемымъ замѣчаніями: „объ этомъ говорить тотъ то“... „тоже находимъ и у того то“... При рекомендуемой мною постановкѣ сравнительная характеристика обслѣдуемыхъ П. П. Пономаревымъ трудовъ носила бы, такъ сказать, менѣ формальный и болѣе существенный характеръ, потому что при этой постановкѣ безъ всякихъ авторскихъ замѣчаній было бы яснымъ то, чѣмъ одинъ авторъ отличается отъ другого, чѣмъ превосходить этого другого и въ чемъ уступаетъ ему.

Заканчивая свои сужденія относительно отдѣла книги, посвященнаго П. П. Пономаревымъ обзорѣннѣю римско-католической богословской литературы, не могу не высказать сожалѣнія и о томъ, что онъ въ указанный отдѣлъ не внесъ критическаго элемента. Какъ можно видѣть изъ изслѣдованія, напѣ авторъ владѣетъ настолько обстоятельными свѣдѣніями въ римско-католической литературѣ, обслѣдуемой имъ, что онъ, я вполне увѣренъ, могъ бы безъ особаго труда произвести ту или иную критическую оцѣнку разбираемыхъ имъ трудовъ. Но напѣ авторъ какъ будто боится подѣлиться своими критическими сужденіями, а между тѣмъ они несомнѣнно возвысили бы указанный отдѣлъ его книги и въ строго научномъ отношеніи, поскольку въ немъ при такой постановкѣ утверждалась бы истинно научная характеристика излагаемыхъ имъ сочиненій, и въ практическомъ отношеніи, поскольку всякій изъ православныхъ богослововъ, прочитавшій его книгу, могъ бы безъ труда рѣшить вопросъ о томъ, какія изъ обслѣдуемыхъ авторомъ изслѣдованій болѣе свободны отъ римско-католическихъ тенденцій и какія наиболѣе подходящи для православнаго богослова при ознакомленіи съ исторіей ученія о Свящ. Преданіи.

Болѣе правильнымъ путемъ, по моему мнѣнію, идетъ П. П. Пономаревъ при изложеніи протестантско-лютеранскаго ученія о Свящ. Преданіи и при обзорѣ протестантско-лютеранской литературы, посвященной изложенію

этого ученія. Въ противоположность предшествовавшему отдѣлу, посвященному изложенію римско-католическаго ученія о Свящ. Преданіи, этотъ отдѣлъ П. П. Пономаревъ начинаетъ съ изложенія символическаго ученія протестантовъ о Свящ. Преданіи по древнѣйшимъ перводокументамъ протестантизма—по символическимъ книгамъ: *Confessio Augustana*, *Apologia Confessionis*, *Articuli Smalcaldici*, *Formula Concordiae* и затѣмъ уже переходитъ къ обзорѣ трудовъ протестантскихъ теологовъ: Мартина Хемница, Луки Озіандера, Даллеуса, Кестлина, Маргейнке, Газе, Гейнриха, Гольцмана, кончая отдѣлъ краткимъ замѣчаніемъ относительно ученія о Свящ. Преданіи въ новѣйшей изъ протестантскихъ школъ—въ школѣ ричлианской. Отмѣчая какъ несомнѣнное тотъ фактъ, что и разматриваемый отдѣлъ въ книгѣ П. П. Пономарева, какъ содержащій въ себѣ очень обстоятельный очеркъ протестантско-лютеранскаго ученія о Свящ. Преданіи, имѣетъ высокую научную цѣнность, однакожь опять не могу не указать на то, что и этотъ отдѣлъ не лишенъ одного пробѣла и именно того, что въ немъ П. П. Пономаревъ, излагая позднѣйшее протестантское ученіе о Свящ. Преданіи, опустилъ изъ вниманія воззрѣнія тѣхъ представителей новѣйшаго протестантизма, на которыя именно и слѣдовало обратить особенное вниманіе. Разумѣю въ данномъ случаѣ представителей двухъ протестантскихъ школъ позднѣйшаго времени—Посредствующаго богословія (*Vermitteltheologie*) и Новой ортодоксіи. Наиболѣе характерною чертою обѣихъ этихъ богословскихъ школъ въ лютеранствѣ именно и является то, что представители ихъ въ противоположность представителямъ всѣхъ другихъ богословскихъ школъ лютеранства существенное значеніе отводятъ ученію о Свящ. Преданіи, какъ источникѣ христіанскаго Откровенія. Появленіе первой изъ указанныхъ школъ, включающей въ себя очень многихъ видныхъ протестантскихъ теологовъ, напр. Роте, Дорнера, Мартенсена, Юлія Мюллера, Лянге и другихъ относится къ концу восемнадцатаго и началу девятнадцатаго вѣка, когда протестантскій религіозный міръ навод-

нила масса разнаго рода раціоналистическихъ богословскихъ школъ, толковавшихъ христіанское вѣроученіе на разные лады, и сходящихся лишь въ одномъ—въ отрицаніи его сверхъестественнаго характера. То были школы: миѳическая, сводившая большую часть библейскихъ повѣствованій на степень обычныхъ миѳовъ, тюбингенская, видѣвшая въ христіанскомъ Откровеніи результатъ обычной борьбы нѣсколькихъ естественно-религіозныхъ направленій, супранатуралистическая, видѣвшая въ христіанствѣ вообще, въ христіанскомъ Откровеніи въ частности, одну изъ естественныхъ стадій въ развитіи Абсолютнаго и проч. Консервативные элементы протестантизма, для коихъ христіанство существовало, какъ сверхъестественная религія, не могли не видѣть, что появленіе всѣхъ этихъ школъ въ протестантизмѣ было результатомъ уничтоженія за Свящ. Преданіемъ значенія, какъ источника и руководственнаго начала при пониманіи Св. Писанія, безъ косяго разумъ человѣческой не могъ утвердиться въ должныхъ отношеніяхъ къ послѣднему. Исходя изъ подобной точки зрѣнія, представители Посредствующаго богословія мало по малу пришли къ тому заключенію, что Библія и Слово Божіе два понятія, не вполне покрывающія другъ друга, что и помимо Библіи Духъ Божій дѣйствовалъ и дѣйствуетъ на всемъ протяженіи исторіи человѣчества, какъ вообще въ совокупномъ церковномъ сознаніи, такъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ—особенныхъ носителяхъ общецерковнаго сознанія. Стоя на подобнаго рода почвѣ въ ученіи о христіанскомъ Откровеніи, представители Посредствующаго богословія учили и учатъ, что Св. Писаніе должно быть понимаемо и толкуемо не соотвѣтственно внутренне-индивидуальному разумѣнію каждаго отдѣльнаго вѣрующаго и не соотвѣтственно тому или иному направленію совокупности лишь современныхъ идей, а соотвѣтственно обще-церковному сознанію всѣхъ мѣстъ и временъ. Т. е. въ конечныхъ выводахъ своихъ представители разсматриваемой нами богословской школы очевидно приходили и приходятъ къ тому заключенію, что въ христіанской церкви существуютъ два источника

Откровения: Свящ. Писаніе и Свящ. Преданіе и что взаимное отношеніе между этими источниками такое, что первое безъ второго не можетъ быть истинной нормой вѣроученія и жизни въ христіанскомъ обществѣ. Съ другой стороны исходя изъ того положенія, что христіанство по своему существу есть не ученіе только, но и жизнь, представители Посредствующаго богословія держались и держатся того убѣжденія, что Свящ. Преданіе охватываетъ не одну только теоретическую, но и практическую сторону жизни, и потому долгомъ всякаго истиннаго христіанина является не только усвоеніе откровеннаго ученія, но и проведеніе его въ жизнь и дѣятельность по отношенію къ окружающему міру. И въ данномъ отношеніи исторія церкви или Свящ. Преданіе, по взгляду указанныхъ богослововъ, имѣетъ весьма существенное значеніе, поскольку въ церкви вѣрующіе въ преемственномъ порядкѣ однихъ поколѣній за другими не только все шире и шире распространяютъ ученіе Христа, но и все глубже и глубже вкореняютъ въ свою жизнь благодатныя воздѣйствія христіанства, обнаруживавшіяся въ жизненномъ поведеніи ихъ предшественниковъ. Вообще естественно, при такого рода точкѣ зрѣнія представители Посредствующаго богословія относятся съ болѣе или менѣе глубокимъ уваженіемъ къ первоисточникамъ первичной христіанской письменности и къ разнаго рода практическимъ установленіямъ, существовавшимъ въ христіанской церкви отъ древнихъ временъ, напр. таинствамъ, древнимъ литургіямъ и проч. Думаю, что возрѣнія протестантскихъ богослововъ съ подобнаго рода характеромъ заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны православной богословской науки, потому что въ указанныхъ возрѣніяхъ обнаруживается стремленіе протестантскаго богословія встать на православную почву въ разработкѣ вопроса объ источникахъ христіанскаго Откровенія. Думаю, что и П. П. Пономаревъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы онъ вмѣсто того, чтобы останавливать свое вниманіе на представителяхъ ричліанства, возрѣнія коихъ въ разсматриваемомъ отношеніи совершенно не характерны, остано-

вился своимъ вниманіемъ при изложеніи позднѣйшаго протестантскаго ученія о Свящ. Преданіи на воззрѣніяхъ именно этихъ протестантскихъ богослововъ. Не столь характерны, хотя всетаки заслуживали бы вниманія воззрѣнія объ источникахъ христіанскаго Откровенія представителей и второй изъ упомянутыхъ мною протестантскихъ школъ новѣйшаго времени — школы Новолютеранской или Новоортодоксальной, включавшей и включающей въ себѣ также очень многихъ видныхъ богослововъ, напр. Шталя, Гармса, Генгстенберга, Тамассіуса, Вильмара, Гесса, Гофмана, Бекка, Гана, Гарлесса, Герике, Куртца, Логе и др. Въ своихъ воззрѣніяхъ на Свящ. Преданіе представители этой школы исходятъ изъ ихъ отрицательнаго отношенія къ раціонализму и піетизму, благодаря вліянію коихъ, по ихъ пониманію, совершалось и совершается разложеніе протестантства. Считая, что между указанными религіозными направленіями существуетъ такое же духовное родство, какое существуетъ между Иродомъ и Пилатомъ, представители Новой ортодоксіи приходятъ къ тому заключенію, что единственнымъ средствомъ для избавленія отъ тлетворнаго вліянія этихъ направленій является утвержденіе за церковью значенія не только какъ невидимой, но и видимой величины. Признавъ же за церковью значеніе величины видимой, указанные богословы вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся утвердить значеніе и за Св. Писаніемъ, не только какъ внутреннимъ словомъ Божественнымъ, но и какъ за виѣшне-писанной буквой. Разсматриваемое съ этой стороны Св. Писаніе, по ихъ пониманію, богодухновенно и непогрѣшимо даже въ мельчайшихъ проявленіяхъ своихъ, напр. знакахъ препинанія, придыханія и проч. Отлично сознавая однакожь то, что Св. Писаніе, какъ единственный источникъ христіанскаго Откровенія, не можетъ имѣть должной силы въ христіанскомъ сознаніи, представители Новой ортодоксіи подобно представителямъ Посредствующаго богословія также выдвигаютъ принципъ Преданія, только въ отличіе отъ послѣднихъ подъ нимъ разумѣютъ не общецерковное сознаніе, а лишь сознаніе родоначальниковъ нѣмецкой реформаци, поскольку оно

выразилось въ символическихъ книгахъ протестантства — Аугсбургскомъ Исповѣданіи, Апологіи его, Шмалькальденскихъ членахъ, Катихизисахъ Лютера, Формулѣ Согласія и др. По ихъ пониманію, Св. Писаніе должно быть понимаемо лишь подъ руководствомъ этихъ истинныхъ выразителей истиннаго Свящ. Преданія. Стоя на подобной точкѣ зрѣнія, представители Новой ортодоксіи идутъ даже дальше самихъ родоначальниковъ реформаціи, поскольку за символическими книгами протестантства признають не только авторитетное, но и богодухновенное значеніе, т. е. считаютъ ихъ непогрѣшимыми. Полагаю, что на воззрѣніяхъ и этихъ представителей протестантства было бы не излишне остановиться П. П. Пономареву въ виду ихъ несомнѣнной характерности въ области протестантскаго богословія, въ общемъ отрицательно или по крайней мѣрѣ равнодушно относящагося къ ученію о Свящ. Преданіи. Высказывая подобнаго рода пожеланіе, не могу однакожь скрыть того, что выполненіе его въ надлежащихъ границахъ было бы для нашего автора очень затруднительно, потому что представители Посредствующаго богословія и Новой ортодоксіи, раскрывая указанныя идеи относительно Свящ. Преданія, большею частью излагають ихъ въ связи съ общимъ ученіемъ о церкви, также очень близкомъ къ православному. Автору поэтому пришлось бы проштудировать нѣсколько томовъ сочиненій проф. Клифота (*Acht Bücher von Kirche*), проф. Делича (*Vier Bücher von der Kirche*), Мюнхмайера (*Das Dogma von unsichtbarer und sichtbarer Kirche*), Р. Поте (*Die Anfänge der christlichen Kirche und ihrer Verfassung*), Краусса (*Das protestantische Dogma von der unsichtbaren Kirche*. Gotha. 1876) и др. Думаю, впрочемъ, что нѣкоторую долю подходящаго матеріала по указанному вопросу для разсматриваемаго отдѣла въ своей книгѣ П. П. Пономаревъ могъ бы найти и въ общихъ системахъ, содержащихъ въ себѣ исторію новѣйшаго протестантскаго богословія, напр. у Pfeiderer'a. *Die Entwicklung der protestantischen Theologie in Deutschland seit Kant und in Grossbritannien seit 1825*. Freiburgi. 1891. S. 153—252, у Frank'a. *Geschichte und Kritik der neueren Theologie...* и др.

Непосредственно за введеніемъ въ книгѣ г. П. П. Пономарева начинается главный отдѣлъ, посвященный изложенію ученія о Свящ. Преданіи, какъ источникѣ христіанскаго вѣроученія. Отдѣлъ этотъ въ общемъ имѣетъ настолько высокую ученую цѣнность, что ставитъ работу нашего ученаго въ уровень съ солиднѣйшими работами русской богословской литературы. Признавая это, однакожь считаю долгомъ сдѣлать и по поводу этого отдѣла нѣсколько, хотя и несущественныхъ, замѣчаній. Мнѣ прежде всего бросается въ глаза нѣсколько своеобразное отношеніе П. П. Пономарева къ русской богословской литературѣ, посвященной изученію вопроса о Свящ. Преданіи. Авторъ изслѣдованія удѣляетъ этой литературѣ буквально три неполныхъ страницы, сказавъ лишь нѣсколько строкъ по поводу трактата Стефана Яворскаго „Камень вѣры“ и статей: 1) Д. Ивановскаго „Отношеніе протестантовъ къ церковному Преданію“ (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. 1879 г. 1 ч. 271—306 стр.), 2) Пастора Шуази: Апостольское Преданіе (Труды Кіев. Дух. Акад. 1879—1880) и 3) Преосв. Макарія изъ его Введенія въ богословіе (Введеніе въ богословіе. Спб. 1847. Стр. 485—517). Изъ книги П. П. Пономарева г. о. какъ будто вытекаетъ то заключеніе, что вся богословская литература, посвященная изученію Свящ. Преданія, какъ источника христіанскаго вѣдѣнія, ограничивается лишь приведенными трудами: Стефана Яворскаго, г-на Д. Ивановскаго, Шуази и Преосв. Макарія. Въ дѣйствительности однакожь находимъ совсѣмъ иное. Помимо указываемыхъ П. П. Пономаревымъ трудовъ, ученія о Свящ. Преданіи касались и другіе русскіе богословы, какъ древняго, такъ и новаго времени. Извѣстно, что нѣкоторыя данныя для раскрытія ученія о Свящ. Преданіи можно находить напр. у св. Димитрія Ростовскаго въ его трактатѣ: Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ, о ученіи ихъ, о дѣлахъ ихъ, и изъясненіе, яко вѣра ихъ неправда, ученіе ихъ душевредно и дѣла ихъ не богоугодны. Москва. 1824. Еще болѣе данныхъ по тому же вопросу можно находить у архимандрита Іакинѣа Каршииска-

го—ученика Стефана Яворскаго, въ его трактатѣ: *Compendium orthodoxae theologiae doctrinae*. Нѣкоторыя данныя по вопросу о Свящ. Преданіи въ иномъ совершенно направленіи далѣе можно находить у Теофана Прокоповича въ его *Christiana orthodoxa theologia*. Того же самаго ученія далѣе касались: Сильвестръ Лебединскій въ его *Compendium theologiae classicum didactico-polemicum*; Ювеналій Медвѣдскій въ его „Христіанской богословіи для желающихъ въ благочестіи высшаго успѣха“. Москва. 1806; Ириней Фальковскій въ его *Christianae orthodoxae, dogmatico-polemicae theologiae compendium*; іером. Платонъ, авторъ трактата: Православное ученіе или сокращенное христіанское богословіе. 1765. Наконецъ, нѣкоторыя, правда немногочисленныя, данныя по тому же вопросу можно находить у Теофилакта Горскаго въ его „Догматахъ христіанскія православныя вѣры въ богословскомъ ученіи предложенныя и изъясненныя“. 1773, у Симеона Красноцвѣтова въ его статьѣ „О преданіяхъ какъ источникъ религіи“ (Христ. Чт. 1829), въ догматическихъ системахъ П. Терновскаго, архіеп. Антонія и проч. Почему авторъ разбираемаго нами изслѣдованія ни слова не сказалъ, если не о всѣхъ, то по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ мною работъ, упомянувъ въ то же время о не имѣющей научной цѣнности статьѣ г-на Д. Ивановскаго, я положительно отказываюсь понимать. Лично я совсѣмъ не допускаю мысли, чтобы г-нъ П. Пономаревъ не зналъ объ этихъ работахъ, потому что въ своемъ изслѣдованіи онъ обнаруживаетъ детальнѣйшее знакомство иногда съ очень мелочными подробностями по изучаемымъ имъ вопросамъ какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ. Единственнымъ побужденіемъ къ умолчанію г-на П. П. Пономарева о всѣхъ вышеуказанныхъ работахъ, по моему мнѣнію, служитъ то обстоятельство, что о всѣхъ этихъ работахъ довольно подробно говорится у о. І. Филевскаго въ его изслѣдованіи: Ученіе православной церкви о Свящ. Преданіи. Харьковъ. 1902. (стр. XXXIII—LII). Въ виду почти полнаго тождества темъ и соотвѣтственно этому нѣкотораго сходства въ содержа-

ни трудовъ о. І. Филевскаго и П. П. Пономарева нашъ ученый видимо боится, какъ бы кто-нибудь не подумалъ, что онъ въ своемъ сочиненіи находится въ зависимости отъ о. І. Филевскаго и потому всячески старается избѣжать трактовать о тѣхъ вопросахъ, на которыхъ останавливается своимъ вниманіемъ этотъ послѣдній. Такъ какъ о. Филевскій въ своемъ изслѣдованіи, какъ я уже говорилъ, довольно подробно останавливается на обзорѣ русской богословской литературы, посвященной изученію Свящ. Преданія, П. П. Пономаревъ счелъ для себя за лучшее совсѣмъ или почти совсѣмъ не говорить о томъ, о чемъ трактуетъ его въ нѣкоторомъ родѣ соперникъ. Если это мое предположеніе правдоподобно, то я могу лишь пожалѣть автора за его излишнюю щепетильность. Вѣдь всякій взявшій въ руки изслѣдованія П. П. Пономарева и о. І. Филевскаго безъ всякаго труда можетъ видѣть, что оба они въ обслѣдованіи взятаго ими для изученія предмета идутъ въ большинствѣ пунктовъ своими особыми путями и это наблюдается даже тамъ, гдѣ авторы повидимому возвращаются въ сферѣ совершенно однородной. Я увѣренъ поэтому, что если бы П. П. Пономаревъ даже послѣ о. І. Филевскаго подвергъ подробному анализу ту же самую русскую литературу, посвященную изученію Свящ. Преданія, на какой останавливается этотъ ученый, то никто не сталъ бы подозрѣвать его въ зависимости отъ этого послѣдняго, такъ какъ, я увѣренъ, нашъ ученый могъ бы привести въ свой анализъ нѣчто своеобразное и даже, можетъ быть, совсѣмъ не согласное съ анализомъ о. І. Филевскаго и такимъ образомъ кое-гдѣ поправилъ бы, кое-гдѣ дополнилъ бы этого послѣдняго, что неоднократно дѣлаетъ нашъ авторъ въ другихъ случаяхъ, относясь къ работѣ о. І. Филевскаго съ справедливымъ критицизмомъ.

Не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе въ разсматриваемомъ отдѣлѣ книги П. П. Пономарева производитъ далѣе и то, что онъ иногда прибѣгаетъ къ искусственнымъ построеніямъ своей аргументаціи. Излагая напр. ученіе о Свящ. Преданіи св. Игнатія Богоносца, П. П. Пономаревъ

находить данныя для этого въ 7 и 8 гл. посланія св. Игнатія къ филладельфійцамъ. „Въ этихъ главахъ, аргументируетъ нашъ авторъ, повѣствуется, что въ бытность свою у филладельфійцевъ мужъ апостольскій сильно увѣщевалъ ихъ къ единенію: громко возвѣщалъ, сильнымъ голосомъ говорилъ: „внимайте епископу, пресвитерству и діаконамъ“. Иные думали, что такое увѣщаніе обусловливалось особыми обстоятельствами: онъ проповѣдывалъ это, думали они, предвидя будто бы отдѣленіе нѣкоторыхъ. Въ противовѣсъ такому мнѣнію св. Игнатій сообщаетъ филладельфійцамъ: „Тотъ, за Котораго я въ узахъ, свидѣтель мнѣ, что я не зналъ о томъ отъ плоти человѣческой, а Духъ Св. возвѣстилъ мнѣ, говоря такъ: „безъ епископа ничего не дѣлайте, блюдите плоть свою, какъ храмъ Божій, любите единеніе, бѣгайте раздѣленій, будьте подражателями І. Христу, какъ и Онъ Отцу Своему.....“ Въ приведенныхъ словахъ св. Игнатія Богоносца П. П. Пономаревъ находитъ указанія не только на существованіе въ церкви Христовой Свящ. Преданія, какъ источника христіанскаго вѣроученія, но и даже на объемъ послѣдняго, прибѣгая къ такого рода толкованію приведенныхъ словъ: „въ проповѣди св. Игнатія филладельфійцамъ, какъ не трудно замѣтить, отдѣляются два потока мыслей: однѣ изъ нихъ суть буквальное повтореніе ученія Св. Писанія, другія—только относятся къ нѣкоторымъ мѣстамъ Писанія, уясняя или восполняя ихъ. Напримѣръ проповѣдь „блюсти плоть свою, какъ храмъ Божій“ совпадаетъ по мысли съ ученіемъ объ этомъ ап. Павла І Коринт. III, 16; VI, 19; „увѣщаніе внимать епископу, пресвитерамъ и діаконамъ“ служитъ больше опредѣленнымъ дополненіемъ къ ученію Свящ. Писанія о значеніи священства въ церкви. Эта черта проповѣди св. Игнатія, проходящая чрезъ всѣ его посланія, даетъ право различать въ послѣднихъ понятіе о Преданіи какъ въ обширномъ, такъ и въ тѣсномъ смыслѣ слова. Положенія св. Игнатія, представляющія только перифразъ разныхъ мѣстъ Писанія, суть преданіе перваго рода. Къ преданію втораго рода безусловно пужно отнести ученіе о важномъ значеніи въ цер-

кви епископа, пресвитера и діакона, „коихъ по благоволенію своему І. Христось утвердилъ непоколебимо Святымъ Духомъ Своимъ...“ (стр. 10—12).

Останавливаясь на этихъ разсужденіяхъ автора изслѣдованія, не думаю, чтобы они представляли изъ себя убѣдительную аргументацію въ пользу того доказываемаго имъ положенія, будто въ приведенныхъ словахъ св. Игнатія Богоносца заключаются вполнѣ достаточныя основанія для ученія о Свящ. Преданіи не только въ обширномъ, но даже въ тѣсномъ смыслѣ. Какъ можно видѣть изъ только что приведенныхъ словъ, единственнымъ основаніемъ къ этому для нашего автора служитъ то положеніе, будто увѣщаніе св. Игнатія „внимать епископу, пресвитерамъ и діаконамъ“ является, какъ онъ выражается, „опредѣленнымъ дополненіемъ къ ученію Св. Писанія о значеніи священства въ церкви...“ Т. е. по мнѣнію П. П. Пономарева, какъ будто въ этихъ словахъ апостольскаго мужа заключается болѣе того, что содержится по разсматриваемому вопросу въ Свящ. Писаніи. Сильно сомнѣваюсь въ справедливости подобнаго рода сужденій П. П. Пономарева. Мнѣ думается, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Свящ. Писанія, напр. въ словахъ ап. Павла: „повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покаяйтесь; тии бо бдятъ о душахъ вашихъ...“ (Евр. XIII, 17) или въ словахъ того же апостола: „молимъ вы, братіе, знайте (уважайте) труждающихся у васъ и настоятелей вашихъ о Господѣ, и наказующихъ вы, и имѣйте ихъ по презлиха въ любви за дѣло ихъ...“ (I Сол. V, 12—13), въ этихъ словахъ ап. Павла мысль о значеніи священства выражена даже гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ приводимыхъ П. П. Пономаревымъ словахъ св. Игнатія Богоносца, и я поэтому не нахожу достаточныхъ основаній слѣдовать за авторомъ изслѣдованія по пути построеной имъ аргументаціи. Можетъ быть, аргументація П. П. Пономарева по поводу приведенныхъ словъ апостольскаго мужа была бы болѣе сильной, если бы онъ поставилъ ихъ въ параллель съ другими мѣстами посланія св. Игнатія, не ограничиваясь глухою ссылкой на эти мѣста.

Почти тоже самое я принужденъ сказать и относительно разсужденій автора изслѣдованія по поводу твореній св. ап. Варнавы. Доказывая существованіе у этого апостола ученія о Свящ. Преданіи, П. П. Пономаревъ въ доказательство этого ссылается главнымъ образомъ на слѣдующія слова изъ Предисловія Посланія: „Я радуюсь..., что въ васъ вселилась великая вѣра и любовь по надеждѣ на жизнь Господа. Но думая, что Онъ, можетъ быть, даруетъ мнѣ передать что-либо на вашу долю изъ того, что я отъ Него принялъ, такъ чтобы вы мнѣ были наградою за мое служеніе таковымъ духовнымъ дарованіямъ, я рѣшился написать вамъ это краткое посланіе съ тою цѣлью, чтобы вмѣстѣ съ вѣрою вы имѣли и полный гносисъ...“ (стр. 6). Остачавливаясь на приведенныхъ словахъ, П. П. Пономаревъ аргументируетъ такимъ образомъ: „это предисловіе уполномочиваетъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Во-первыхъ видно, что читатели Посланія до его написанія обладали уже духовными дарованіями. Они имѣли все то, что касается вѣры, любви и надежды (кати-хизисъ), или то, что у ап. Варнавы мыслится еще въ одномъ понятіи „вѣры“, равносильномъ понятію религіи. Во-вторыхъ, ап. Варнава беретъ на себя задачу вмѣстѣ съ этими живыми начатками евангельской истины доставить читателямъ совершенное вѣдѣніе, гносисъ, и выполнять эту задачу онъ намѣренъ путемъ разсмотрѣнія Преданія, полученнаго имъ отъ Господа...“ Не довольствуясь указанными выводами изъ приведенныхъ словъ св. Варнавы, нашъ авторъ идетъ далѣе, дѣлая и такого рода выводъ: „такъ какъ гносисъ (о которомъ говоритъ Варнава) получается благодаря тому, что ап. Варнава въ рѣчь о духовныхъ дарованіяхъ читателей Посланія ввелъ то, что принялъ отъ Господа, то есть Ветхій Завѣтъ, извѣстнымъ образомъ истолкованный, то, очевидно, что въ понятіе Преданія онъ заключилъ какъ само Св. Писаніе Ветхаго Завѣта, такъ способъ его пониманія, гдѣ иносказательный, гдѣ буквальный. А коль скоро это такъ, то значить въ Посланіи ап. Варнавы можно видѣть прежде всего понятіе о Преданіи въ обширномъ смыслѣ слова,

потому что сюда входитъ и самое содержаніе Св. Писанія, потомъ уже понятіе о Преданіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, поскольку выраженіемъ его можно считать способъ толкованія Св. Писанія...“ (Стр. 6—9).

Не сомнѣваюсь въ томъ, что въ приведенныхъ словахъ ап. Варнавы можно находить нѣкоторыя указанія на ученіе о Свящ. Преданіи, но сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы авторъ изслѣдованія всѣми своими приведенными мною сужденіями по поводу этихъ словъ апостола могъ кого-либо убѣдить въ томъ, что въ нихъ содержатся тѣ многочисленные выводы, какіе онъ дѣластъ. Сомнѣваюсь напр. прежде всего въ томъ, что слова Варнавы: „въ васъ вселилась великая вѣра и любовь по надеждѣ на жизнь Господа...“, указываютъ на то, что христіане, къ которымъ было отправлено посланіе св. Варнавы, обладали уже „катихизисомъ вѣры“, т. е. связной системой христіанскаго вѣроученія. Сомнѣваюсь далѣе, что словами: „Господь даруетъ мнѣ передать что-либо на вашу долю изъ того, что я отъ Него принялъ“ св. Варнава свидѣтельствуетъ о принятіи имъ отъ Господа *только* „Ветхаго Завѣта, да и при томъ извѣстнымъ образомъ истолкованнаго...“ И наконецъ сомнѣваюсь, что „подъ гносисомъ, о которомъ говоритъ св. Варнава, разумѣется Преданіе и въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. самое содержаніе Св. Писанія, и Преданіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. способъ толкованія Св. Писанія...“ Всѣ эти выводы нашего автора *предположительны* и какъ таковыя могли бы быть или совсѣмъ опущены или по крайней мѣрѣ выражены въ менѣе рѣшительной формѣ. По моему мнѣнію, если отрѣшиться отъ предвзятой мысли во что бы то ни стало найти въ приведенныхъ словахъ ап. Варнавы сложное ученіе о Св. Преданіи, то эти слова содержатъ въ себѣ слѣдующую простую мысль. Апостоль выражаетъ свое удовольствіе христіанамъ, къ коимъ отправляетъ посланіе, въ томъ, что они уже прониклись духомъ ученія Христа, поскольку оно выражается въ трехъ главнѣйшихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ: вѣрѣ, надеждѣ и любви. Высказывая по этому поводу свою „радость“ наставляемымъ

имъ христіанамъ, апостоль въмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельству-
еть, что онъ своимъ посланіемъ желаетъ еще болѣе усо-
вершить ихъ въ ученіи Христа, сообщая имъ о томъ, что
онъ принялъ (по Преданію) отъ Господа. Во всякомъ
случаѣ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что изслѣдованіе П. П.
Пономарева ничего не потеряло бы въ своемъ научномъ
достоинствѣ, если бы онъ поменьше распространялся по
поводу подобнаго рода данныхъ въ пользу ученія о Свящ.
Преданіи, такъ какъ отъ всѣхъ разсужденій его по поводу
такого рода данныхъ попахиваетъ нѣкоторою тенденціоз-
ностью. Особенной надобности для нашего ученаго въ
такой аргументаціи представляется тѣмъ менѣе, что изслѣ-
дованіе его переполнено массою матеріала, такъ сказать,
бьющаго въ глаза своею несомнѣнностью.

Въ заключеніе касаясь разсматриваемаго отдѣла кни-
ги П. П. Пономарева, считаю нужнымъ сказать еще нѣ-
сколько словъ по поводу избраннаго имъ метода при
раскрытіи ученія о Свящ. Преданіи. По моему мнѣнію,
избранный нашимъ ученымъ методъ вполнѣ правиленъ,
поскольку онъ изложеніе ученія о Свящ. Преданіи за
извѣстный періодъ обычно предваряетъ подробнымъ изло-
женіемъ еретическихъ ученій, по поводу коихъ раскры-
вается это ученіе. Признавая полную цѣлесообразность
подобнаго метода, не могу однакожъ не отмѣтить того,
что авторъ, по моему мнѣнію, иногда увлекается, вдаваясь
въ слишкомъ детальное раскрытіе еретическихъ системъ
и борьбы съ ними представителями православія въ ущербъ
даже детальному раскрытію главнаго предмета темы. Въ
главѣ напр. III-й 3-го отдѣла авторъ отводитъ изложенію
ученія Несторія и полемикѣ по поводу этого ученія 36 стр.
(320—356), между тѣмъ какъ раскрытію положитель-
наго ученія о Свящ. Преданіи во всѣхъ его частныхъ
развѣтвленіяхъ только 27 стр. (356—383).

Заключеніе изслѣдованія П. П. Пономарева, посвя-
щенное систематическому изложенію ученія о Свящ. Пре-
даніи на основаніи его исторіи въ древней церкви, пред-
ставляетъ изъ себя цѣнность, не уступающую цѣнности
предшествующаго отдѣла и какъ таковое не вызываетъ

какихъ либо серьезныхъ возраженій. Единственное, съ чѣмъ не могу согласиться вполне—это съ сужденіями автора изслѣдованія по поводу протестантскаго ученія о Свящ. Преданіи. Излагая это ученіе П. П. Пономаревъ на 538-й стр. пишетъ: „подъ вліяніемъ очевидныхъ свидѣтельствъ древности о дѣйствительности Св. Преданія не отрицають положеніе о дѣйствительности Свящ. Преданія и протестантскіе ученые; но только съ этимъ положеніемъ они не соединяють понятія объ обязательномъ значеніи Свящ. Преданія, какъ источникъ истины по авторитету соравномъ Св. Писанію. Изысканія протестантскихъ ученыхъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ обычно сводятся къ слѣдующимъ сужденіямъ: а) Преданіе дѣйствительно существовало въ церкви, но только оно имѣло авторитетъ историческаго памятника, а не догматическаго источника истины; б) Преданіе представляло изъ себя источникъ вѣдѣнія, но только въ области церковной дисциплины, безразличной, не обязательной, по самому своему существу, а не въ области вѣро- и правоученія, неизмѣнной по своему характеру; если же в) иногда Преданіе представляется достовѣрнымъ источникомъ и въ области вѣры и нравственности (какъ правило вѣры), то исключительно подъ условіемъ его полнаго согласія со Св. Писаніемъ, по силѣ его совершеннаго поглощенія послѣднимъ...“ (стр. 538—539). По моему убѣжденію, приведенныя сужденія П. П. Пономарева должны быть признаны соотвѣтствующими дѣйствительности лишь по отношенію къ древнеконсервативному протестантству. Что же касается новѣйшаго протестантства, то въ немъ, какъ я уже говорилъ, существуютъ цѣлыя, довольно сильныя богословскія школы, которыя идутъ далѣе указанныхъ воззрѣній на значеніе Свящ. Преданія въ сферѣ христіанскаго вѣроученія, поскольку за Свящ. Преданіемъ признають значеніе самостоятельнаго и равнаго источника со Свящ. Писаніемъ. Таковы, какъ я уже говорилъ, школы Посредствующаго богословія и Новой ортодоксіи, особенно первая, представители коей, какъ мы уже видѣли, приближаются по своимъ воззрѣніямъ въ данномъ вопросѣ къ православнымъ воззрѣніямъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, всѣ тѣ недочеты, которые можно предъявить къ изслѣдованію П. П. Пономарева при самомъ строгомъ критическомъ отношеніи къ нему. По долгу безпристрастнаго рецензента указывая эти недочеты, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ заявить, что книга г-на П. Пономарева, не взирая на указанные недочеты, все-таки должна быть отнесена къ числу очень видныхъ произведеній русской богословской литературы. Ея цѣнность прежде всего обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ней подвергнутъ основательному научному обслѣдованію вопросъ и весьма серьезный и весьма важный для православнаго богословія. Извѣстно, что вопросъ объ источникахъ христіанскаго Откровенія въ христіанскомъ богословіи относится къ числу вопросовъ кардинальныхъ, потому что отъ того или иного рѣшенія его зависитъ то или иное направленіе вѣроисповѣдныхъ системъ христіанскихъ церквей. Уклоненіе протестантства и римскаго католицизма отъ древне-вселенскаго ученія, по моему мнѣнію, именно и объясняется ихъ неправильнымъ отношеніемъ къ Свящ. Преданію, поскольку первое отрицаетъ за Свящ. Преданіемъ значеніе бугодухновеннаго источника, поскольку второй на степень общецерковнаго преданія возводитъ преданіе помѣстной церкви. Не взирая на столь важное значеніе ученія Свящ. Преданія въ области христіанскаго вѣдѣнія, русская богословская наука, съ самаго зарожде-нія ея, въ раскрытіи этого ученія болѣе чѣмъ въ раскрытіи какого-либо иного ученія обнаруживала крайнюю неопредѣленность и колеблемость. Подобная неопредѣленность и колеблемость начинаются, можно сказать, еще со времени Оеофана Прокоповича. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ протестантскихъ идей, со времени Петра Великаго широкой волной распространившихся по лицу земли русской, Оеофанъ Прокоповичъ въ раскрытіи разсматриваемаго нами ученія весьма приближается къ протестантскимъ воззрѣніямъ, признавая въ качествѣ несомнѣнной истины то положеніе, что Свящ. Писаніе является единственнымъ „началомъ богословія“. Существованіе какого-либо другого начала возлѣ Свящ. Писанія съ точки зрѣ-

нiя Теофана Прокоповича представляется излишнимъ уже по одному тому, что Свящ. Писанiе само по себѣ обладаетъ достаточнымъ авторитетомъ и достаточно яснымъ содержанiемъ. Прямымъ результатомъ подобнаго отношенiя Теофана Прокоповича къ Свящ. Писанiю очевидно должно быть отрицанiе значенiя за Свящ. Преданiемъ, или во всякомъ случаѣ ослабленiе значенiя послѣдняго. Это дѣйствительно и находимъ у упомянутаго богослова, поскольку онъ отрицаетъ авторитетное значенiе за дѣянiями вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и вообще на свидѣтельство церковнаго сознанiя смотритъ какъ на *testimonium humanum*, свидѣтельство человѣческое. Этотъ взглядъ Теофана Прокоповича на Свящ. Преданiе легъ въ основу воззрѣнiй другихъ многочисленныхъ русскихъ богослововъ. Къ числу таковыхъ напр. долженъ быть отнесенъ прежде всего Самуилъ Миславскiй, также въ качествѣ несомнѣнной истины признающiй то положенiе, что одно лишь Св. Писанiе является божественнымъ, полнымъ и достаточнымъ источникомъ христіанскаго вѣдѣнiя; Свящ. же Преданiе представляетъ изъ себя источникъ вторичный, человѣческiй и только правдоподобный. По стопамъ Миславскаго идетъ бывший ректоръ Московской Дух. Академіи Теофилактъ Горскiй, хотя кратко, но рѣшительно заявляющiй, что Свящ. Преданiе не имѣетъ Божескаго установленiя и какъ таковое никоимъ образомъ не должно быть поставляемо на одинаковый уровень со Свящ. Писанiемъ. Въ особенности же обстоятельное раскрытiе ученiя о Свящ. Преданiи, какъ источникѣ христіанскаго Откровенiя, въ томъ же направленiи находимъ у бывшаго ректора Казанской Духовной Академіи Сильвестра Лебединскаго. Онъ съ одной стороны вполне рѣшительно и опредѣленно заявляетъ, что Свящ. Писанiе есть единственный источникъ богословія, вполне достаточный для Богопознанiя, какъ содержащiй въ себѣ или *explicite* или *implicite* всѣ необходимыя истины для спасенiя и вполне ясный для 'уразумѣнiя, какъ содержащiй въ себѣ истины, соотвѣтствующія дѣйствительной природѣ человѣка. Съ другой стороны Лебединскiй не только отрицательно отно-

сится къ Свящ. Преданію какъ источнику Богопознанія, но и стремится сообщить этому отрицанію обстоятельное обоснованіе, доказывая ту мысль, что яко-бы въ Свящ. Преданіи можно встрѣтить не мало положеній, противорѣчащихъ истинно Христову ученію. То же скептически отрицательное отношеніе къ Свящ. Преданію, выраженное въ формѣ не менѣе рѣшительной, находимъ у Ювеналія Медвѣдскаго, признающаго Свящ. Писаніе „первичнымъ основаніемъ вѣры“, „единымъ токмо, содержащимъ въ себѣ преизобильно все, что до Богопознанія и Богопочитанія, для приобрѣтенія жизни вѣчной касается“. При такого рода взглядѣ на Свящ. Писаніе, Свящ. Преданію у Медвѣдскаго отводится значеніе лишь постольку, поскольку оно въ качествѣ простаго герменевтическаго пособия содѣйствуетъ пониманію и уясненію Свящ. Писанія. (См. о. І. Филевскій. Ученіе православной церкви о Св. Преданіи. Харьковъ. 1902. Стр. XXXIII—XLV). Этотъ длинный рядъ русскихъ богослововъ, обслѣдовавшихъ ученіе о Свящ. Преданіи въ смыслѣ совсѣмъ не православномъ, заканчивается Преосв. Иринеемъ Фальковскимъ, повторяющимъ въ своихъ воззрѣніяхъ взгляды упомянутыхъ богослововъ. Послѣ этихъ богослововъ начинается въ русской богословской наукѣ рядъ писателей, которые мало по малу встаютъ на должную почву въ разработкѣ разсматриваемаго нами ученія. Таковы С. Красноцвѣтовъ, прот. П. Терновскій, Преосв. Антоній (Амфитеатровъ), Е. Бенескриптовъ, Д. Ивановскій, В. Никольскій, Преосв. Филаретъ Черниговскій, Макарій, митр. Московскій, Преосв. Сильвестръ, ректоръ Кіевской Духовной Академіи, прот. Малиновскій, о. І. Филевскій и проч. и проч. Признавая, что всѣ эти богословы въ той или иной мѣрѣ своими трудами иногда довольно обширными, иногда краткими содѣйствовали правильной постановкѣ вопроса о сущности и значеніи Свящ. Преданія, какъ источника христіанскаго вѣдѣнія, слѣдуетъ однакожъ въ то же время замѣтить, что ни у одного изъ нихъ не находимъ вполне обстоятельнаго обслѣдованія указаннаго ученія во всемъ объемѣ его содержанія. Можетъ быть, причина этого отчасти

лежала въ томъ обстоятельствѣ, что русское богословіе въ разработкѣ ученія о Свящ. Преданіи, какъ и въ другихъ богословскихъ областяхъ, шествовало по стопамъ римско-католическаго богословія, которое при всей близости къ православному богословію въ разработкѣ разсматриваемаго нами ученія не могло и не можетъ во всей полнотѣ пользоваться тѣмъ матеріаломъ, каковой доставляетъ для православнаго богослова древне-вселенская церковь. Несомнѣнно главный матеріаль для раскрытія ученія о Свящ. Преданіи доставляютъ вселенскіе соборы перваго тысячелѣтія, потому что на нихъ со всей рѣшительностью былъ поставленъ и былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, что должно быть признано истинно Христовымъ ученіемъ. Римско-католическое богословіе однакожъ не могло и не можетъ или, лучше сказать, стѣснялось и стѣняется пользоваться всѣмъ матеріаломъ, доставляемымъ вселенскими соборами для раскрытія ученія о Свящ. Преданіи, потому что эти послѣдніе, содержа въ себѣ обильный матеріаль для раскрытія указаннаго ученія, вмѣстѣ съ тѣмъ содержатъ не малый матеріаль и для составленія убѣжденія, что почти всѣ основныя догматы римско-католической вѣроисповѣдной системы никакого отношенія къ истинно вселенскому Преданію не имѣли и не имѣютъ. Потому-то римско-католическіе богословы, построя свои системы, посвященныя обслѣдованію ученія о Свящ. Преданіи, болѣею частью обходятъ вселенскіе соборы перваго тысячелѣтія, переходя отъ обзора святоотеческой письменности къ обзору матеріала, доставляемаго соборами позднѣйшаго времени, признаваемыми вселенскими лишь въ римско-католической церкви. Повторяю, можетъ быть, подъ вліяніемъ этого направленія въ разработкѣ разсматриваемаго нами вопроса, укоренившагося въ римско-католическомъ богословіи, и русская богословская наука не представляла намъ вполне обстоятельнаго обслѣдованія ученія о Свящ. Преданіи, какъ источникъ христіанскаго вѣроученія. Не составляетъ изъ себя исключенія въ данномъ отношеніи даже и недавно вышедшій объемистый трудъ свящ. І. Филевскаго: Ученіе пра-

вославної церкви о Свящ. Преданіи. Харьковъ. 1902 г. П. П. Пономаревъ первый изъ русскихъ богослововъ всталъ на вполне правильную почву въ разработкѣ обслѣдуемаго имъ ученія. Онъ мало того, что представляетъ въ своемъ сочиненіи документальный и обильнѣйшій матеріалъ, доставляемый богословской наукѣ при разработкѣ ученія о Свящ. Преданіи святоотеческой письменностью, матеріалъ болѣе или менѣе извѣстный и западному и отчасти православному богословію, но сверхъ того представляетъ документальный и обильнѣйшій матеріалъ по указанному вопросу, доставляемый вселенскими соборами перваго тысячелѣтія, совсѣмъ или почти совсѣмъ обойденный доселѣ какъ въ западномъ, такъ и въ православномъ богословіи. Слѣдствіемъ этого является то, что въ книгѣ г-на Пономарева мы находимъ въ первый разъ наиболѣе документальное, наиболѣе самостоятельное, наиболѣе полное и наиболѣе научное обслѣдование ученія о Свящ. Преданіи, какъ источникъ христіанскаго вѣроученія, со всѣми частными вопросами, входящими въ общее содержаніе указаннаго ученія, въ частности съ вопросами о Божескомъ происхожденіи Свящ. Преданія, о главнѣйшихъ фазисахъ его развитія, объ отношеніи его ко Свящ. Писанію, о значеніи его въ сферѣ раскрытія христіанскаго вѣроученія, христіанской дисциплины, христіанской литургики и проч. Можно поэтому съ увѣренностью утверждать, что книга г-на П. П. Пономарева ляжетъ въ основу раскрытія ученія о Свящ. Преданіи въ догматическихъ системахъ и трактатахъ, тою или иною стороною должствующихъ коснуться указаннаго ученія.

Имѣя столь существенное значеніе для науки догматическаго богословія при обслѣдованіи ученія о Свящ. Преданіи, какъ главнаго предмета ученыхъ изысканій нашего автора, подлежащая нашему разсмотрѣнію книга имѣетъ весьма цѣнное значеніе и для нѣкоторыхъ другихъ богословскихъ наукъ, и прежде всего для преподаваемой мною науки—Исторіи и разбора западныхъ исповѣданій. Въ содержаніе этой науки, какъ одинъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ, входитъ вопросъ о томъ,

могутъ ли развиваться христіанскіе догматы и если могутъ, то въ какомъ смыслѣ и въ какомъ объемѣ. Римско-католическая церковь въ раскрытіи этого ученія, какъ извѣстно, очень существенно уклоняется отъ православной церкви, поскольку она въ отличіе отъ этой послѣдней признавала и признаетъ, что христіанскій догматъ можетъ развиваться не только внѣшне, но и внутренно, что все первичное содержаніе христіанской догматики заключалось лишь въ немногихъ ясно сознанныхъ и болѣе или менѣе точно выраженныхъ догматическихъ истинахъ, что на почвѣ этихъ немногихъ догматическихъ истинъ постепенно путемъ медленнаго напластыванія однѣхъ истинъ на почвѣ другихъ возросло зданіе догматическаго христіанства. Это постепенное развитіе христіанскаго догмата, по взгляду представителей римскаго католицизма, совершается путемъ постепеннаго раскрытія Свящ. Преданія, какъ долженствующаго по самымъ основаначаламъ христіанской религии развивать то, что *implicite* дано въ писанномъ христіанскомъ Откровеніи (Свящ. Писаніи). Не буду подробно распространяться о томъ, насколько существенное значеніе имѣетъ теорія развитія догматовъ въ вѣроисповѣдной системѣ римско-католической церкви. Скажу лишь кратко то, что при помощи этой теоріи она оправдываетъ всѣ специально римскіе догматы свои. П. П. Пономаревъ въ своей книгѣ доставляетъ обильный и документальный матеріалъ для рѣшенія вопроса о томъ, насколько состоятельна эта точка зрѣнія на христіанскій догматъ, усвоенная представителями римскаго католицизма. Подробнымъ анализомъ святоотеческой письменности и въ особенности дѣяній вселенскихъ соборовъ онъ даетъ возможность видѣть, что римско-католическая точка зрѣнія на Свящ. Преданіе, какъ орудіе развитія христіанскаго догмата въ смыслѣ папистическомъ, несостоятельна, что истинная задача Свящ. Преданія заключалась не въ созданіи все новыхъ и новыхъ истинъ на почвѣ прежнихъ, а только самое большее въ субъективномъ углубленіи разума человѣческаго въ содержаніе христіанскихъ догматовъ, въ основательномъ апологетическомъ обслѣдованіи

послѣднихъ и въ наиболѣе точномъ выраженіи ихъ при полномъ удержаніи прежняго содержанія, безъ добавленія какихъ либо новыхъ элементовъ къ этому содержанію. Этотъ общій и основной взглядъ на Свящ. Преданіе авторъ разбираемаго нами изслѣдованія подтверждаетъ очень часто весьма цѣнными учеными экскурсіями болѣе или менѣе частнаго характера. Извѣстно, что представители римско-католической церкви, пользуясь теоріей развитія христіанскаго вѣроученія при посредствѣ постепенно раскрывающагося Свящ. Преданія, доказывали и доказываютъ, будто основной догматъ этой церкви—догматъ о папскомъ главенствѣ, существуя въ скрытомъ и не развитомъ состояніи въ первые три вѣка исторической жизни христіанской церкви, болѣе развитый видъ получилъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ перваго тысячелѣтія, поскольку римскіе епископы данной эпохи якобы своимъ ученіемъ, такъ сказать, давали тонъ вѣроизложеніямъ отцевъ упомянутыхъ соборовъ. Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія путемъ подробнаго анализа дѣяній вселенскихъ соборовъ приводитъ читателя къ твердому убѣжденію въ несостоятельности подобнаго рода воззрѣній римско-католическихъ. Въ особенности цѣнное значеніе въ данномъ отношеніи имѣетъ сдѣланный П. П. Пономаревымъ анализъ дѣяній III-го вселенскаго собора (см. особенно стр. 381—382), при посредствѣ коего онъ убѣждаетъ читателя въ томъ, что хотя на упомянутомъ соборѣ папа Целестинъ и принималъ горячее участіе въ соборныхъ совѣщаніяхъ, тѣмъ не менѣе ни соборъ, ни даже папскіе легаты не смотрѣли на дѣятельность указаннаго папы, какъ на дѣятельность главы церкви, о чемъ свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что упомянутый соборъ въ основу своихъ рѣшеній по отношенію къ Несторію положилъ не посланіе Целестина, а никейскій символъ, послужившій вмѣстѣ съ тѣмъ критеріемъ для оцѣнки самаго посланія римскаго первосвященника. Не менѣе цѣнныя данныя для опроверженія того же папскаго догмата авторъ изслѣдованія извлекаетъ и изъ исторіи IV-го вселенскаго собора. Путемъ спокойнаго и безпристрастнаго изложенія

исторіи этого собора по перводокументамъ онъ убѣждаетъ читателя въ томъ, что „хотя папа Левъ со своимъ окружнымъ посланіемъ занимаетъ въ исторіи Халкидонскаго собора очень почтенное мѣсто, однако фактъ этотъ свидѣтельствуется только о большомъ участіи римскаго епископа въ дѣлахъ собора, но отнюдь не о главенствѣ его въ христіанской церкви, противъ коего, по автору, говорятъ: а) фактъ провѣрки самаго посланія Льва на соборѣ съ цѣлью утвердить его согласіе съ древнею вѣрою; б) фактъ опоры собора не только на посланіе Льва, но и на посланія св. Кирилла; в) фактъ уясненія выраженіями Кирилла трехъ мѣстъ посланія Льва, вызывавшихъ сомнѣніе у иллирійскихъ и палестинскихъ епископовъ; г) фактъ соборнаго, а не единоличнаго, утвержденія вѣры“ и въ особенности д) фактъ составленія 28-го правила, уравнивающаго права римскаго епископа съ другими патріархами древней церкви (стр. 421—423. 410—411. 400. 398—399 и др.). То же самое наконецъ авторъ изслѣдованія подтверждаетъ и путемъ документальнаго изложенія исторіи VI го вселенскаго собора, изъ коей видно, что римскій епископъ Агаѳонъ на указанномъ соборѣ отнюдь не признается главою церкви, поскольку соборъ не сразу принимаетъ посланіе Агаѳона, но тщательно провѣряетъ достовѣрность приводимыхъ въ немъ свидѣтельствъ и только послѣ этого совершаетъ надъ нимъ канонизацію (см. особ. 465—469 и др.). Цѣнныя данныя сообщаетъ г-нъ П. Пономаревъ въ своемъ изслѣдованіи и относительно другого основнаго догмата римско католической вѣроисповѣдной системы—ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Въ особенности большое значеніе въ данномъ отношеніи имѣетъ производимый авторомъ изслѣдованія анализъ сочиненія св. Епифанія Ancoratus, на которое очень часто ссылаются римско-католическіе богословы. Г-нъ П. Пономаревъ (см. стр. 255—256 и др.) устанавливаетъ истинный смыслъ ученія св. Епифанія по разсматриваемому вопросу. Не менѣе цѣнны по своей документальности сужденія г-на П. Пономарева относительно ученія объ исхожденіи Св. Духа и св. Кирилла Александрійскаго, на коего также

любить ссылаться католики. Г-нь Пономаревъ выясняетъ истинный смыслъ ученія этого отца по указанному вопросу, въ частности смыслъ излюбленнаго римскими католиками выраженія св. Кирилла: „Духъ Святой собственень Сыну“ (см. 344—346 стр.) и др. Заслуживаютъ серьезнаго вниманія сужденія г-на П. П. Пономарева и по нѣкоторымъ пунктамъ протестантской вѣроисповѣдной системы. Помимо основательной критики протестантскаго ученія объ источникахъ христіанскаго Откровенія (см. стр. 538—543, 567—571 и др.) авторъ изслѣдованія доставляетъ въ послѣднемъ вѣскія данныя для оцѣнки протестантскаго ученія объ евхаристіи (см. особ. 392), для оцѣнки новѣйшихъ нападокъ протестантовъ (преимущественно въ лицѣ проф. А. Гарнака) на историческое достоинство извѣстнаго цареградскаго символа (стр. 316—320) и проч.

Очень цѣнное значеніе имѣетъ далѣе изслѣдованіе П. П. Пономарева и въ церковно-историческомъ отношеніи. О цѣнности его въ разсматриваемомъ отношеніи можетъ свидѣтельствовать уже то одно обстоятельство, что съ этой точки зрѣнія сочиненіе нашего автора послужило предметомъ обсужденія со стороны извѣстнаго церковнаго историка, покойнаго проф. Московскоѣ Академіи и Московскаго Университета А. П. Лебедева. Московскій проф., по его же собственнымъ словамъ „внимательно слѣдившій за сочиненіемъ П. П. Пономарева“, какъ извѣстно, разошелся съ нашимъ ученымъ въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи несторіанства и въ раскрытіи несторіанскаго ученія „объ усвоеніи Божествомъ страданій плоти...“ По этому поводу онъ сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на книгу П. П. Пономарева. (См. Правосл. Собесѣдн. 1907. № 9. Стр. 376—382). Не касаясь вопроса о томъ, насколько справедливы эти замѣчанія, считаю нужнымъ обратить вниманіе лишь на то обстоятельство, что покойный профессоръ, написавшій специальное изслѣдованіе о религіозныхъ движеніяхъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ (Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ), очевидно смотрѣлъ на книгу П. П. Пономарева въ церковно-историческомъ отношеніи какъ на трудъ, какъ бы могущій конкурировать

вать съ его работой въ той же сферѣ. И дѣйствительно, какъ я уже имѣлъ случай говорить, въ книгѣ П. П. Пономарева мы находимъ документально-подробное (иногда даже слишкомъ) изложеніе еретическихъ системъ періода вселенскихъ соборовъ: арианства, македоніанства, аполлинарианства, несторианства, монофизитства, монофелитства и иконоборчества въ связи съ не менѣе документальнымъ и подробнымъ изложеніемъ православнаго ученія по соответствующимъ пунктамъ христіанской догматики, поскольку путемъ указаннаго изложенія еретическихъ системъ и православнаго ученія утверждается значеніе Свящ. Преданія, какъ источника христіанскаго вѣроученія. Особенная цѣнность изслѣдованія П. П. Пономарева, разсматриваемаго съ этой церковно-исторической точки зрѣнія, обусловливается прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своемъ сочиненіи г-нъ П. Пономаревъ излагаетъ не внѣшнюю исторію еретическихъ ученій и борьбы съ ними вселенской церкви, а исторію внутреннюю, т. е. документально изображаетъ то, что лежитъ въ основѣ того или иного еретическаго ученія, какъ оно постепенно и внутренне раскрывалось и какъ опровергалось въ православномъ сознаніи вѣрующихъ. Засимъ цѣнность сочиненія г-на П. Пономарева, разсматриваемаго съ указанной точки зрѣнія, обусловливается и тѣмъ обстоятельствомъ, что оно, какъ написанное по первоисточникамъ, чуждо западно-протестантской закваски. Извѣстно, что повѣйшая западно-историческая наука, съ легкой руки знаменитаго Берлинскаго проф. А. Гарпака, путемъ многочисленныхъ церковно историческихъ работъ стремящагося утвердить за христіанскимъ вѣроученіемъ значеніе естественно-человѣческаго вѣдѣнія, видѣла и видитъ въ горячей борьбѣ древне-вселенской церкви съ еретическими ученіями ни болѣе, ни менѣе, какъ столкновеніе естественныхъ богословско-научныхъ направленій. При такого рода точкѣ зрѣнія сверхъестественный характеръ вселенскаго ученія, утвержденнаго на вселенскихъ соборахъ перваго тысячелѣтія, у большинства протестантскихъ историковъ новѣйшаго времени или совсѣмъ или почти совсѣмъ теряется.

Къ сожалѣнію подобный взглядъ на дѣятельность церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ проникаетъ отчасти и въ нашу новѣйшую церковно-историческую литературу, посвященную изученію исторіи указанныхъ соборовъ, Г-нь П. П. Пономаревъ, какъ я уже говорилъ, остался чуждъ подобнаго рода тенденціи въ раскрытіи христіанскаго вѣроученія, утвержденнаго на вселенскихъ соборахъ. Представляя подробную картину образованія и развитія этого вѣроученія, онъ своей книгой приводитъ читателя къ убѣжденію въ истинности того, что древне-вселенская церковь, утверждая на вселенскихъ соборахъ православное ученіе противъ еретическихъ ученій, дѣлала это не во имя какихъ либо естественно-научныхъ интересовъ, а во имя стремленія сохранить въ неповрежденности то ученіе, которое было сообщено ей Христомъ Спасителемъ и Его апостолами и которое хранилось во вселенскомъ сознаніи вѣрующихъ, какъ залогъ божественнаго Учителя. Въ книгѣ г-на П. П. Пономарева поэтому мы находимъ не только обстоятельное и строго-научное изложеніе древне-вселенскаго ученія въ связи съ обстоятельнымъ и строго-научнымъ изложеніемъ древне-еретическихъ системъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-православное изложеніе перваго и вторыхъ.

Цѣнные данныя наконецъ доставляетъ изслѣдованіе П. П. Пономарева и для науки каноническаго права. И въ данномъ отношеніи книга нашего автора имѣетъ прежде всего, такъ сказать, принципиальную важность въ виду протестантскихъ тенденцій, проникающихъ въ труды нѣкоторыхъ изъ нашихъ канонистовъ. Извѣстно, что протестантская каноническая наука отражаетъ на себѣ слѣды вліянія господства въ протестантскомъ мірѣ такъ называемой территоріальной системы, въ силу коей церковь со всею ея жизнью является одной изъ естественныхъ функцій государственнаго организма, всецѣло въ своей не только внѣшней, но и даже внутренней жизнедѣятельности подчиненной свѣтской власти. Исходя изъ подобнаго рода точки зрѣнія, большинство протестантскихъ канонистовъ особенно новѣйшаго времени смотрять на

каноническое право, регулирующее положеніе церкви въ государствѣ, какъ на продуктъ исключительно естественный, какъ на выраженіе обычной политики правительственной власти. Сверхъестественный элементъ въ сферѣ каноническаго права при такой точкѣ зрѣнія совершенно исчезаетъ. Къ сожалѣнію, подобнаго рода точка зрѣнія на каноническую жизнедѣятельность церкви укореняется въ системахъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ канонистовъ, въ родѣ напр. проф. Суворова, кои, начитавшись протестантскихъ каноническихъ системъ и въ своихъ работахъ будучи болѣе или менѣе удачными компиляторами этихъ системъ, также стремятся поставить каноническую жизнедѣятельность церкви въ исключительную зависимость отъ свѣтской власти. Въ книгѣ г-на П. Пономарева находимъ многочисленныя данныя, доказывающія полную несостоятельность подобнаго взгляда на каноническую жизнедѣятельность церкви. Своимъ изслѣдованіемъ онъ доказываетъ мысль, что сфера церковнаго права есть сфера существенно отличная отъ гражданской сферы, какъ имѣющая своимъ источникомъ не произволь свѣтской власти, а сознаніе церкви, основывающейся въ данной области, какъ и въ области догматической, на законоположеніяхъ Самого Христа и Его апостоловъ. Помимо подобнаго принципиальнаго значенія книги П. П. Пономарева для науки каноническаго права, въ ней можно найти не мало вѣскихъ данныхъ и по другимъ вопросамъ каноническаго характера, напр. по вопросу о взаимоотношеніи между сферами догматической и канонической. Путемъ тщательнаго анализа святоотеческихъ твореній и дѣяній вселенскихъ соборовъ г-нъ П. Пономаревъ приводитъ читателя къ убѣжденію, что отличительной чертою сферы догматической является ея полная неизмѣняемость со стороны содержанія и измѣняемость лишь со стороны субъективнаго углубленія человѣческаго разума въ это содержаніе; отличительной чертой сферы канонической напротивъ является возможность расширенія ея содержанія новыми правилами при глубокомъ уваженіи къ древнѣйшимъ каноническимъ законоположеніямъ, какъ освященнымъ

авторитетомъ древней церкви. Находимъ, наконецъ, у г-на П. П. Пономарева обильный матеріалъ, имѣющій отношеніе къ наукѣ каноническаго права, менѣе принципіальнаго и болѣе детальнаго характера, поскольку напр. авторъ изслѣдованія сообщаетъ обильныя и точныя свѣдѣнія о томъ, какія каноническія правила и по какому поводу были высказаны и утверждены церковью на вселенскихъ соборахъ и проч.

Не мало весьма цѣнныхъ данныхъ найдетъ всякій прочитавшій книгу г-на П. П. Пономарева и по другимъ принципіальнымъ и не принципіальнымъ вопросамъ православнаго богословія, напр. по нѣкоторымъ вопросамъ литургическимъ, по вопросу объ условіяхъ вселенскости соборовъ, по вопросу объ авторитетѣ никео-цареградскаго символа и проч... Значеніе всѣхъ указанныхъ данныхъ, сообщаемыхъ г-мъ П. Пономаревымъ, увеличивается благодаря тому обстоятельству, что нашъ авторъ свое изслѣдованіе пишетъ на основаніи непосредственнаго знакомства съ первоисточниками. Иногда правда онъ штудируетъ творенія святыхъ отцевъ и дѣянія вселенскихъ соборовъ и въ русскихъ переводахъ, но относится къ этимъ переводамъ съ недоувѣріемъ и потому постоянно провѣряетъ ихъ по подлинному тексту твореній—по изданіямъ Mansi и Migne. Отсюда у г-на Пономарева находимъ заслуживающую полной похвалы цитацію изучаемыхъ имъ твореній—явленіе довольно рѣдкое у русскихъ ученыхъ вообще, у русскихъ богослововъ въ частности. Наконецъ и со стороны стилистики изслѣдованіе г-на П. Пономарева заслуживаетъ полной похвалы. Языкъ автора отличается ясностью, точностью и выразительностью, не взирая на то, что нашему автору пришлось имѣть дѣло съ матеріаломъ архаическимъ.

Болѣе или менѣе существенные пробѣлы я нашелъ лишь въ томъ отдѣлѣ книги П. П. Пономарева, который посвященъ обслѣдованію инославной литературы и инославнаго ученія о Свящ. Преданіи, какъ источникѣ христіанскаго Откровенія. Но отмѣчая указанные недостатки, я и ранѣе оговаривался и теперь оговариваюсь, что суще-

ствование этих недочетовъ отчасти обуславливалось самымъ характеромъ темы, избранной г-мъ П. П. Пономаревымъ для обслѣдованія. Онъ, какъ можно видѣть, изъ самага оглавленія его сочиненія, задачей послѣдняго поставилъ обслѣдованіе ученія древней и притомъ преимущественно восточной церкви о Свящ. Преданіи. Ученіе же западныхъ церквей по тому же вопросу прямо не входило въ задачу его темы, а потому и отдѣлъ, посвященный изложенію этого ученія, не могъ быть ни полнымъ, ни совершеннымъ. Отмѣчая этотъ фактъ, считаю вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ заявить, что отдѣлъ, посвященный обслѣдованію ученія инославныхъ исповѣданій о Свящ. Преданіи, даже и въ тѣхъ границахъ, въ коихъ онъ вошелъ въ книгу г-на П. П. Пономарева, всетаки представляетъ изъ себя во всей русской богословской литературѣ наилучшій очеркъ затронутаго въ немъ предмета.

Въ общемъ изслѣдованіе г-на П. П. Пономарева, по моему мнѣнію, по своимъ ученымъ достоинствамъ безусловно превосходя всѣ русскія сочиненія, посвященныя изученію Свящ. Преданія, съ большимъ успѣхомъ можетъ конкурировать съ лучшими заграничными работами, посвященными обслѣдованію того же вопроса. Въ виду всего этого я признаю доцента Казанской Духовной Академіи П. П. Пономарева за представленный имъ въ Совѣтъ Академіи трудъ: „Священное Преданіе, какъ источникъ христіанскаго вѣдѣнія. Ученіе о Свящ. Преданіи въ древней, преимущественно восточной, церкви. 1908 г.“, *вполнѣ заслуживающимъ степени доктора богословія.*

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion.org.ru**